

Обнимите
Меня,

0
8
7
7
8
9

Сиреневая Фокс

Переводчик — Наталья Лобода

Вычитка — Наталия Павлова

Оформление — Наталия Павлова

Русифицированная обложка — Наталия Айс

Глава 1

Это будут очень скучные выходные. И я была *так* чертовски рада. Так рада, что могла бы попрыгать в снегу, абсолютно голая, и в дикой разнузданности пробежаться гольшом через весь район. Я припарковала машину на тихой подъездной дорожке своих родителей и с тоской посмотрела на белый панельный дом, расположенный среди возвышающихся дубов, пока снежинки каскадом падали на черепичную крышу. Не смотря на то, что я была рада отправиться в колледж, я скучала по этому месту. А колледж начал меня изматывать. Сейчас, когда большинству моих друзей уже исполнился двадцать один год, моя жизнь ощущалась нескончаемой вечеринкой, наполненной тогами и пиво — понгом. Запах несвежего алкоголя, который цеплялся за ветхий ковер в нашей съемной студенческой квартире, не мог быть ничем выведен независимо от того, как сильно я старалась.

Мне хотелось тишины, покоя и отсутствия драмы. И это был весь план на этот уик — энд. Я упаковала несколько романов, которые мне так и не удалось прочитать в течение нескольких месяцев (в наши дни было практически невозможно читать ради удовольствия), хотелось развести огонь и уютно устроиться на счастливый уик — энд, наполненный спокойствием. Мои родители оправились на лыжный праздник, а я оставила свои учебники в городе, и ничто не могло стоять на моем пути.

После того, как схватила свою сумку с пассажирского сиденья, я с облегчением открыла дверцу машины и вдохнула запах свежего воздуха и дикой природы. Это вызвало во мне чувство, что я дома, такого никогда не было в университетском городке большого города, как бы сильно я не старалась туда вписаться. Моя семья не жила в самой глуши, не на самом деле. Мы жили на длинной и извилистой дороге, где дома возвышались через каждую четверть мили или около того. Эта дорога вела в сердце нашего маленького городка, к живописной «Мэйн Стрит», на которой все эти годы удавалось заблокировать путь для большой сети магазинов. Причудливый и маленький, городок был местом, где все знали всех. Абсолютная противоположность жизни в большом городе.

Когда три с половиной года тому назад я отсюда уехала, то не понимала, как сильно буду скучать по этому месту.

Издав глубокий вздох, я перекинула через плечо свою сумку и побрела к переднему крыльцу по снегу глубиной в дюйм [прим. пер. 2, 5 см]. Мама повесила на дверь венок, и снег блестел в тех местах, куда он упал на праздничную листву. Было еще нескольких недель до Рождества, но моим родителям нравилось украшать дом, как можно раньше.

Когда я уже направлялась вверх по лестнице, то мои ноги ударили по сложенной газете, запакованной в пластиковую втулку. Мои губы дрогнули в улыбке, когда меня накрыло мягкое тепло, даже не смотря на то, что температура была около нуля градусов. Мама и папа были ну очень старой закалки. В мире, полном социальных средств массовой информации и информационных приложений, они до сих пор подписывались на городскую газету с такой

жесткой лояльностью, которую испытывал к своей местной команде спортивный болельщик.

Меня охватила ностальгия, когда я вытащила бумагу из втулки и просмотрела заголовки на первой странице. Я вспомнила, как каждую неделю сидела за обеденным столом, разгадывая кроссворд, пока папа читал вслух истории из газеты. Тогда моя жизнь была спокойнее, медленнее. Тогда у меня было больше времени, чтобы наслаждаться миром вокруг меня, вместо того, чтобы видеть его, пролетающим в быстром урагане света и звука.

Мои глаза зацепились на верхний заголовок, и все мое тело напряглось. Спокойствие, которое я ощущала только несколько мгновений назад, было быстро убито хлынувшим через меня абсолютным беспокойством. «Сноу Пик» был небольшим городком, спрятанным в горах. Население 871 человек. Тут не было интенсивного движения или людей, проезжающих через город. Каждый чувствовал, что весь город был семьей, и каждый человек пытался сделать все возможное, чтобы быть честным и полезным гражданином. Из — за чего, в этом месте, расположенном в горах, едва ли когда — либо происходили преступления. Уайетт МакДауэлл, лучший друг моего отца и шериф «Сноу Пик», приезжал каждую субботу вечером, чтобы поиграть в карты и выпить с моими родителями. Так что, я имела уникальную возможность заглянуть в «криминальные низы» городка. Которых, надо сказать, вообще не было. Несколько штрафов за превышение скорости и редкие случаи, когда какой — нибудь местный житель слишком много выпил в «Snow Peak Bar & Grill». И на этом все.

Но этот заголовок... «*Череда ограблений на «Грейт Биа Роад» приводит «Сноу Пик» к ужас!*». Я обернулась и прошлась своим пристальным взглядом по спокойной лужайке. Внезапно, я почувствовала, что за мной наблюдают. «Грейт Биа Роад» была *нашей* дорогой, именно той, которая проходила прямо перед домом. Мои родители ничего не говорили об этих грабежах, но, возможно, они до сих пор об этом не знали. Они уехали в свою поездку за два дня до случившегося, и я сомневалась, что они бы уехали, оставив меня здесь одну, зная, что существовал какой — то псих (или несколько), грабивший жителей «Сноу Пик».

Дрожа, я захлопнула входную дверь и щелкнула замком перед тем, как схватить со стола у входа стационарный телефон. В том месте, где жили мои родители, прием сотового телефона был чрезвычайно ужасным, поэтому они по — прежнему полагались на стационарный телефон. И я знала, что Уайетт был вторым сохраненным номером, вторым для меня. Если бы кто — то попытался проникнуть в этот дом, я знала, что он был бы здесь в мгновение ока, чтобы спасти положение. Он мог не иметь дело с настоящими преступниками девяносто девять процентов времени, но он был невероятным. И если до этого дойдет, то он меня защитит.

Уайетт. Мои внутренности сжались. Мысли о нем заставили исчезнуть некоторые из моих забот. Когда я уехала в колледж, он был единственным в этом городе, о ком я думала, что буду скучать, но в то время это на самом деле не имело значения. Оставаться здесь и видеть его каждый день — это бы только все усложнило. Или я так думала. Все эти годы я не была в состоянии вытрясти мысли о нем из своей головы, об этом идеальном образце мужчины спортивного типа, с которым никогда не мог конкурировать ни один парень из колледжа.

Тепло вспыхнуло между моими бедрами, лишь от картинка, которая была в моей голове. Сильный, уверенный в себе, на сто процентов идеальный мужчина. Я вспомнила то, как бицепсы напрягались под его формой, когда он двигался, то, как его темные глаза

блуждали по мне, то, как однобокая улыбка скрашивали его обычно стоическое лицо, когда я пыталась заставить его смеяться.

Тогда я так ужасно его хотела, но, конечно же, он не чувствовал того же. Он был лучшим другом моего отца, в конце концов, а я была просто безумно влюбленной восемнадцатилетней девчонкой. И я, глупая, думала, что он чувствовал то же самое. Он показался на вечеринке в честь моего восемнадцатилетия с телескопом и предложением, показать мне звезды.

Я имею в виду, кто, черт подери, не подумал бы, что это был какой — то великий романтический жест? *Тогда, когда я стала совершеннолетней*, то думала, пока следовала за ним на газон, *что мы можем, наконец — то, показать друг другу наши настоящие чувства*.

Какой же идиоткой я была. Он никогда не видел меня чем — то большим, нежели маленькой девочкой, и просто пытался быть милым. Может быть, он даже думал обо мне, как о суррогате своей дочери, так как у него не было детей. Я поморщилась и попыталась не вспоминать о том, как он смотрел на меня, когда я дотронулась своей рукой до выпуклости в его штанах. Я могла бы поклясться, что его член был твердым, но он отскочил от меня, словно я была больна. Развернулся и убежал прочь, все еще сжимая телескоп в своих руках, исчезая в ночи, не сказав ни слова, забирая с собой мои мечты о звездах, он оставил меня там стоять на холоде. В полном одиночестве.

На следующий день, я подала документы в «Нью — Йоркский университет», и никогда не оглядывалась назад.

Потрескивал огонь, когда я перевернула страницу любовного романа, который нашла в ящике моей мамы. Она всегда припрятывала где — нибудь несколько штук, они были ее пагубным пристрастием. Я привезла свои собственные книги, но с Уайеттом на уме, мне хотелось чего — то более пикантного, чем те романы, которые я обычно любила читать... я жаждала освобождения.

Но все что делала эта книга — это заставляла усиливаться боль между моими бедрами, и независимо от того, как сильно я старалась стереть его из моего разума, все, что я могла делать, это представлять себе, что Уайетт был героем романа. Его сильную челюсть, его накачанные мышцы, его темные и неистовые глаза. Моя грудь начала приподниматься, когда я представила себе, как тянусь к его ремню, и, на этот раз, он не отстраняется. Я хотела обернуть свою руку вокруг его твердого члена и поглаживать его, пока он не кончит на мою руку, пока его сперма не покроет мои пальцы.

Издавая стоны при этой мысли, я скользнула своей рукой под лифчик и начала медленно рисовать круги вокруг своих сосков, представляя, что это его язык прижимается к моей груди. Каждая мышца в моем теле плотно сжалась от возбуждения, дрожь пробежала по моей коже. Боже, я хотела почувствовать его рот на своей коже, сосущий, пробующий, скользящий совершенными кругами, пока бы я не кончила так сильно, что не смогла бы слышать свои мысли. Он бы погрузил свои пальцы в мою влажность. И, силы небесные, я была мокрой. Влага впиталась в мои трусики так сильно, что мне понадобится надеть чистую пару, как только я с этим покончу.

Звук разбивающегося стекла потряс мои эротические мысли, и все мое тело похолодело в мгновение ока. Одним быстрым движением, я опустила рубашку обратно вниз по своей груди, и поставила ноги на пол. Звук донесся со второго этажа. Такой звук, который может раздаться лишь из — за разбитого окна. Меня одолел страх, и я схватила телефон с

кофейного столика, быстро нажав цифру два, и ждала, затаив дыхание, пока обходила длинную кушетку, чтобы спрятаться между ней и ближайшей стеной.

Кто — то проник в дом. И существовал лишь один человек, которому я могла бы позвонить.

Глава 2

Через десять минут (хотя они ощущались, как десять часов) я, наконец — то, услышала хруст шин на заснеженной подъездной дорожке. Я оставалась приклеенной к своему месту позади кушетки, затаив дыхание, не решаясь произвести ни малейшего шума. Даже малейшего вздоха облегчения. Кто бы ни вломился сверху, он все еще не осмелился спуститься сюда, в гостиную, но я не собиралась рисковать, позволив ему (или ей) узнать, где я была.

Не то, чтобы было ужасно трудно это выяснить. Огонь все еще мерцал и пылал, объявляя о моем присутствии, как маяк в ночи.

Звук от сапог, хрустящих по снегу, заставил меня еще больше нервничать. Логически, я знала, что это был Уайетт. Как только я выдохнула слова в телефонную трубку, он без колебаний сказал, что направляется сюда. Это был он. Это должен был быть он. Но это не остановило страх, пронизывающий меня, чистый адреналин заставил встать дыбом каждый волосок на моих руках.

Это мог быть кто угодно. Это мог быть сообщник вора, находящегося наверху. Может быть, они увидели огонь, и они позвали подмогу.

Подмогу с оружием.

На этот раз, я хотела, чтобы у моих родителей был другой взгляд на оружие, таким образом, я могла бы вооружиться для борьбы с любой возможной угрозой.

Но я была легкой жертвой.

И не было ничего, что я могла бы сделать, чтобы остановить то, что может меня унижить.

Щелчок открывающихся замков пронзил меня облегчением. У Уайетта были ключи от дома. Мой папа дал ему набор давным — давно. На самом деле, ключи у него были столько, сколько я помню. Он был тем человеком, которому они звонили, если им был нужен кто — то, чтобы следить за порядком в то время, как их не было в городе. Чтобы забирать почту и поливать растения. И именно этому человеку, они звонили, когда моя рассеянная мать как — то (да постоянно) захлопнула дверь, когда выходила из дома без ключей.

Я подозревала, что это было тем, что я унаследовала от нее. Я захлопывала дверь своей квартиры в Нью — Йорке слишком много раз, чтобы считать.

Уайетт с треском открыл дверь и заглянул внутрь, и его глаза сразу же остановились на том месте, где я выглядывала из — за кушетки. Тепло вернулось в мое тело посредством вспышки, которая была жарче, чем огонь, горящий рядом со мной. Боже, он выглядел хорошо. Гораздо лучше, чем я помнила. Прошло много проклятого времени с тех пор, как я положила на него глаз, и я хотела впитать в себя все в нем, что могла.

Его подбородок был покрыт щетиной, что заставляло его выглядеть мужественнее и гораздо более прочным, чем в последний раз, когда я его видела. Это заставляло его источать чистый секс. Коричневая форма, которую он имел обыкновение носить, была заменена новой темно — синего цвета, она подходила под цвет его глаз. Глаз, которые

пронзили меня прямо в душу. Я почувствовала прилив крови к щекам и положила руку на свою шею, чувствуя быстрое биение своего сердца.

Я должна была быть в ужасе от взлома, быть абсолютно испуганной. Но не была. Не с этим мужчиной в комнате. Он излучал чистую уверенность и силу, и что — то еще. Что — то, что, несомненно, влекло меня к нему, как мотылька на пламя. А решительный взгляд на его лице сказал мне, что он сделает все, чтобы меня защитить.

Он жестом показал, чтобы я оставалась за кушеткой, прежде чем быстро направиться вверх по лестнице. Мне хотелось крикнуть, чтобы он остановился, чтобы не оставлял меня здесь одну. Все напряжение в моем теле вернулось назад, когда я прислушивалась к каждому скрипу на лестнице, когда он медленно брел наверх к преступнику. После нескольких долгих и мучительных моментов, я услышала, как его ботинки еще раз ударил по лестнице.

А потом он вернулся, небольшая веселая улыбка вызвала ямочку на его щеке.

— Сейчас ты можешь выйти, Бекка. — сказал он, протягивая руку. Она была теплой, грубой и сильной. Бабочки в моем животе метались по кругу, все мое тело разгорячилось всего от одного этого невинного прикосновения. Из — за воспоминания о том, как три года назад я протянула руку, чтобы схватить его за член, мое лицо вспыхнуло еще больше. Я задавалась вопросом, думал ли он все еще о той ночи. И мне было интересно, думал ли он об этом сейчас.

— Они ушли? — спросила я, радуясь, что сегодня вечером здесь не происходило никакого противостояния.

— О, да. — его улыбка стала еще шире, его рука все еще крепко держала мою. Он возвышался надо мной, хотя я и сама не была низкой девушкой. Он был выше шести футов [прим. пер. — примерно 183 см.], а его широкие плечи были почти вдвое шире моих. Он был сложен, как танк, очень накаченный танк. Очень, очень сексуальный. — Они теперь снова на улице, где и должны быть.

Нахмурившись, я склонила набок голову.

— О чем ты говоришь?

— Ветер спровоцировал пургу. Дерево, находящееся рядом с окном твоей спальни, слишком сильно ударило в стекло.

Дерево. Конечно же. Я испустила нервный смешок и покачала головой. Я должна была знать. Это был не первый раз, когда ветви врезались в мое окно, и, безусловно, не будет последним разом. Они были так близко, что летом листья терлись о стекло, и так близко, что я использовала дерево, чтобы сбегать наружу, когда была в старшей школе. И даже несмотря на то, что мои родители об этом знали, они всегда сохраняли эту ветку там, как какую — то вызывающую ностальгию реликвию, они не могли вынести ее отсутствие, даже если это означало, что я ходила на вечеринки, когда не должна была.

— Верно, конечно. — Я медленно вытащила свою руку из его руки, его теплая кожа скользила по моей. Я вздрогнула. Ничего не могла с собой поделать. А брови Уайетта поднялись вверх на какой — то дюйм, прежде чем его лицо смягчилось и приняло нейтральное выражение. Но я это видела. Небольшое удивление, что у него была такая реакция, и осознание, почему это произошло.

С ним я была такой глупой, как открытая книга. Это было чертовски неловко.

Но та улыбка снова вернулась, а он не бежал к двери. Не в этот раз. Вместо этого, я заметила, что его глаза блуждали немного на юг. Они отметили нижнюю кромку моей рубашки, которую я поспешно натянула обратно на лифчик после того, как услышала

разбивающееся окно. Я не успела полностью опустить ее вниз, и сейчас на его полном обозрении были изгибы моих бедер и живота.

Он поднял голову и бросил на меня взгляд, его глаза внезапно были полны интенсивного тепла, из — за которого у меня перехватило дыхание. Мои трусики, те, которые уже были промокшими из — за моих прежних фантазий, наполнялись моими соками, и я почувствовала, как струйка скользила вниз по моей ноге. Я была одета лишь в пару девчачьих боксеров, предпочитаемое мной нижнее белье, и вдруг почувствовала себя очень хорошо осведомленной о том, насколько полуголой я была прямо сейчас.

Я надеялась, что он не взглянул вниз. Он мог бы увидеть влагу, скользящую по моей ноге, и то, что моя кожа была покрыта мурашками.

— Ты в порядке? — спросил он хриплым голосом. — Ты, кажешься взволнованной.

— Да, хорошо. — я испустила вымученный смешок и сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоить то, как мое сердце гремело в ушах. — Я думала, что кто — то пытался забраться внутрь. Я не знала, что они будут делать, если меня найдут.

— Ты не должна бояться. — он сделал шаг, подходя ближе ко мне, так близко, что едва ли между нами мог протиснуться лист бумаги. Его тело излучало тепло, и каждая клетка моего тела жаждала придвинуть его еще немного ближе, так, чтобы мои груди касались его грудной клетки. Я представила себе, каким твердым был бы его член, когда бы он только почувствовал, что они упираются в него, мои твердые — как — камушки соски, стоящие по стойке смирно, и возбуждающие его. Он резко втянул воздух, почти так, словно мог читать мои мысли.

Мог ли он читать мои мысли?

Не было, похоже, что я когда-либо могла очень хорошо скрывать свои чувства, не от моих родителей, не от моих друзей, и даже не от него. Он знал меня на протяжении многих лет. Он был рядом на протяжении большей части моей жизни, и он был свидетелем всех значительных хороших и плохих моментов, которые у меня были.

Люди всегда говорили мне, что могли читать меня, как книгу. Мог ли он прочитать желание, пульсирующее во мне прямо сейчас?

То, каким твердым стало все его тело, сказала мне, что он заметил.

Глава 3

— Почему я не должна бояться? — сказала я так тихо, что не была уверена из — за грохота в своих ушах, что он сможет меня услышать. Я едва ли могла сама себя слышать.

— Ну, теперь я здесь, и я не позволю ничему с тобой случиться. — он опустил руку мне на плечо и сжал. Все мое тело инстинктивно подалось ближе к нему. Он напрягся еще больше, но не оттолкнул меня. — Ты же знаешь об этом, не так ли, Бекка? Я мог не сталкиваться с множеством серьезных преступлений здесь в «Сноу Пик», но я знаю, как использовать этот пистолет, и я бы применил его без колебаний.

Его слова послал острые ощущения по моей коже, хотя я знала, что не была особенной в этом отношении. Уайетт защищал бы любого в «Сноу Пик». Он бы поставил на кон свою жизнь, чтобы оберегать жителей этого небольшого городка. Именно таким человеком он был, и это было одним из того, что привлекло меня в нем в первую очередь. Он был таким сильным и таким хорошим, что это причиняло боль моему сердцу. Я хотела, иметь возможность показать ему это. Он заслуживал это знать.

Он заслуживал, чтобы кто — нибудь показал ему, каким хорошим он был. Он всегда казался таким одиноким, и я никогда не могла понять, почему. Уайетт был, бесспорно, лучшим уловом в городке, хотя он всю жизнь был одинок. Он выделялся из всех остальных мужчин, блистая таким образом, как они лишь мечтали. И ни один из местных парней никогда не мог сравниться с его горящим пламенем. Когда я уехала в колледж, то думала, что встречу кого — то другого, кто бы мог быть на него похож. Я имею в виду, что из всех парней в большом городе, безусловно, один мог бы достигнуть его уровня.

Но я до сих пор не встречала никого похожего на Уайетта. И начала думать, что никогда не встречу, никогда за все оставшиеся годы моей жизни.

Мне до сих пор хотелось, чтобы он чувствовал особое желание защитить меня, и только меня, единственную, кто бы отличался от всех остальных. Я хотела, чтобы он *видел* меня так же, как его видела я.

Но я была дочерью его лучшего друга, и было очень глупо с моей стороны, быть настолько одержимой мужчиной, которого я никогда не смогу иметь.

Он был абсолютно под запретом. Он видел во мне ребенка своего друга.

Это отстой.

— Конечно, я об этом знаю. — сказала я, отрывая свой взгляд и заставляя себя смотреть на что — то (что угодно) еще. Может быть, он бы перестал читать мои мысли, если я сосредоточусь на чем — то другом. — Но это не меняет тот факт, что я здесь сама по себе до конца уик — энда, а снаружи есть какие — то придурки, которые грабят все дома на этой улице.

Он нахмурился и провел рукой по своему лицу. Внезапно, он выглядел уставшим, словно на его плечах был вес всего мира. На плечах, к которым я очень хотела прикасаться, прикасаться и прикасаться, пока не растает все напряжение в его теле.

— Бекка, я сожалею, что еще не поймал преступников. — сказал он. — Я делаю все возможное, чтобы их выследить, но они очень хорошо замели свои следы.

— Это очень успокаивает. — сказала я, морща свой нос.

Он снова придвинулся ближе и провел рукой по волосам за моими плечами, наклоняясь, чтобы посмотреть мне прямо в глаза. Мое дыхание застряло в горле, а желание вихрем пронеслось по моим венам. Его губы были так близко, что я могла испробовать его дыхание, когда он начал говорить. От него пахло, сосновой хвоей, снегом и мятным одеколон, и все, чего я хотела, это закрыть глаза и вдыхать его, забыв обо всем на свете, но не об этом мужчине.

Он был таким, как я себе представлял запах секса.

Представляла. Это верно. Я все еще была девственницей. Девственницей Беккой, которая запала на мужчину, которого она никогда не могла иметь.

Что за неудачница.

— Посмотри на меня. — он поднял своим пальцем мой подбородок. — Я обещаю, тебе не нужно беспокоиться. Они забрались во все эти дома за одну ночь, и это было несколько дней назад. Нет оснований предполагать, что они снова собираются забираться в дома. Они никому не навредили. Все, что они сделали, это украли кое — какую электронику и сбежали. Должно быть, это было сделано несколькими старшеклассниками. Твоей хорошенькой маленькой головке не о чем волноваться, окей?

Хорошенькая. Я моргнула, время замедлилось, когда я обрабатывала его слова. Он только что назвал меня хорошенькой.

— Окей. — моя рука по своей собственной воле направилась к его груди. Сейчас у меня не было никакого контроля над тем, что делало мое собственное тело. Я чувствовала себя кошечкой, мурлычущей из — за его близости и от его прикосновения, которые превращались в непреодолимое желание, положить на него свои руки. Здесь, сейчас, и держать так долго, как смогу.

Мои пальцы прижались к мягкому материалу его формы, умоляя двигаться вниз, вниз и вниз, пока они не коснутся выпуклости под его поясом. А там *была* выпуклость. Даже при тусклом освещении, я могла видеть его член, сильно надавливающий на его форму, очертание мужественности было больше, чем я когда — либо себе представляла.

Мой пульс набирал скорость, когда он безошибочно двинулся в мою сторону. Мог ли он чувствовать тоже самое? Мог ли он чувствовать сексуальное напряжение, рикошетом отскакивающее от стен? Воздух был густым от желания, но я не могла сказать (еще раз), воображала ли я это только потому, что чувствовала его так глубоко в своей душе. Я думала, что чувствовала это все предыдущие годы, и я была неправа. Была ли я неправа и на этот раз? Снова?

Когда он придвинулся ближе, моя рука прижималась плотнее к его груди, и я могла почувствовать его сердцебиение. Его сердце мчалось, так же, как и у меня. И теперь я могла ощущать своими бедрами его твердый член. Больше соков капало вниз по моей ноге, и мне едва удавалось не стонать в голос.

Он хотел меня. Даже если он не хотел в этом признаться, не было никакой ошибки в том, как реагировало его тело. Несмотря на все его усилия, он источал желание также сильно, как и я.

— Я должен идти. — его голос был ворчливым, и вдруг между нами появилось расстояние в фут вместо одной лишь одежды [прим. пер. — около 30 см.]. — Падает снег, толстый и твердый ...

Он сплотнул, а мой мозг застрял на его словах. Толстый. Твердый. Прямо, как он. Моя киска так сильно ныла, до боли. Если он не позаботился о моей потребности, то я должна буду использовать на себе свою собственную руку, иначе боль станет невыносимой.

Уже сейчас она была невыносимой.

— Пожалуйста, останься. — быстро шепотом сказала я. Я не могла заставить себя говорить громче. — Что, если они придут сюда, чтобы ограбить дом?

Он покачал головой и сделал шаг назад. Этот один шаг забрал с собой все тепло, которое было в комнате.

— Они сюда не сюда не придут. Просто хорошенько запрись и попытайся немного поспать.

И с этими словами он ушел.

Глава 4

На следующее утро я проснулась на кушетке, все еще также смущенная, какой я была, когда я отправилась спать прошлой ночью. Я осталась внизу, так как окно в моей спальне было разбито, и я чувствовала себя странно, думая о сне в постели моих родителей. К тому же, просто казалось безопаснее внизу у огня.

В одно мгновение, Уайетт практически раздевал меня своими глазами. Он был так близко, клянусь, что он выглядел так, словно собирался меня поцеловать. А в следующий

момент, он направлялся к двери с такой яростной решимостью, что это вернуло меня на три года в прошлое. В ту ночь, когда я пыталась соблазнить его на лужайке под горящими над нами звездами.

Но на этот раз, я знала, что это не происходило в моей голове. Я почувствовала его твердость. Я видела то, как он на меня смотрел. Я могла чувствовать его учащенное сердцебиение под своей рукой. Он подошел ближе, когда я прикоснулась к нему и не отстранился. Лишь за секунды до того, как все могло пойти дальше, он решил сбежать.

Он хотел меня. Так же, как я хотела его.

Но он остановился, до того, как все хоть куда — то зашло, и я точно знала, почему.

Я была дочерью его лучшего друга. Между нами была девятнадцатилетняя разница в возрасте. Я чертовски уверена, что это не важно, но не для него.

Вздыхнув, я пошла наверх, чтобы принять душ и подготовиться к сегодняшнему дню. Все мое тело все еще туго сжималось из — за отсутствия освобождения, от накопившегося желания, до сих пор переполняющего меня. Прошлой ночью я начала доставлять себе удовольствие, когда ворочалась на кушетке, но я остановилась сразу же, как только это начала.

Я не хотела быть той, кто бы это сделал. Я хотела, чтобы Уайетт подарил мне освобождение, я так отчаянно этого жаждала. И, несмотря на то, что он сбежал, я знала, где он будет сегодня вечером. Я просто должна была напомнить ему о том, что, как мы оба знали, он хотел, о том, в чем мы оба нуждались.

Друг в друге.

Фестиваль Сноу Пика проводился каждый год в начале декабря. Большая часть города соберется на площади и будет смотреть, как в центре устанавливают пятнадцатифутовое рождественское дерево. К этому присоединятся дети, они снизу развешат украшения, сделанные своими собственными руками, в то время, как взрослые начнут праздничный сезон, делая «Эггног» с добавлением алкоголя [Прим. пер. — «эггног» — напиток на основе взбитых яиц с добавлением молока, коньяка или рома, сахара, специй; подается горячим или холодным]. Это было ежегодной традицией, насчитывающей, по крайней мере, сто лет, и Уайетт всегда приходил в форме, следя за происходящим на случай каких — либо неприятностей.

Конечно же, никогда не было никаких проблем. Не в Сноу Пик.

Самое худшее, что могло бы случиться, включало кого —нибудь, выпившего слишком много выделяющих пар чашек «Эггнога», и их бы понадобилось довести домой в полицейской машине Уайетта.

В этом году, я предполагала, что это буду я. Конечно же, за исключением той части с «Эггногом». Если я наконец — то собиралась реализовать свою фантазию с Уайеттом, то хотела быть трезвой на сто процентов. Это не было той вещью, которую я хотела бы когда — либо забыть.

Сара, старая подруга из старшей школы, которая осталась в городке, чтобы помочь с парикмахерским бизнесом своей матери, заскочила к моему дому около шести, чтобы подобрать меня. Я провела день, сгребая лопатой толстый снег с подъездной дорожки, дыша свежим воздухом и работая своими мышцами так, как не работала уже несколько месяцев. Я чувствовала себя хорошо, чтобы быть снаружи и не слышать ничего, кроме мягкого ветра, который дул сквозь деревья, чтобы смотреть на ясное небо без каких — либо помех, кроме

облаков, проплывающих над головой.

Я чувствовала себя более расслабленной, чем за последние несколько месяцев, даже несмотря на то, что мое тело все еще жаждало прикосновений Уайетта. Прошло некоторое время с тех пор, так как я приезжала домой, и я обычно брала с собой учебники, проводя свое свободное время учась, вместо того чтобы остановиться на мгновение, чтобы поблагодарить за то, что я имела здесь и сейчас.

Может быть, я время от времени думала про себя, что *могла бы вернуться домой после того, как закончу университет*. Чтобы жить той жизнью, по которой я скучала. Но затем думала, какой был смысл в моей ученой степени? Не было никакого способа, чтобы я использовала свои знания закона в таком городе, как Сноу Пик. Мне нужно быть в большом городе, где располагали штаб — квартиры все крупные фирмы. В нашем городе был лишь один адвокат, и он едва сводил концы с концами. Просто это не было тем местом, которое могло бы поддержать карьеру такого рода. Так что я застряла. Застряла, двигаясь по такому направлению в жизни, которое, я не была уверена, что все еще хочу выбирать.

Не говоря уже о том, что мне нудно было потратить слишком много лет, если я действительно хотела такую карьеру. Моя степень бакалавра было только началом. И я просто не была уверена в том, насколько долго я хотела быть в такой атмосфере, в которой я находилась в течение последних трех с половиной лет. Конкурентной, быстро развивающейся, изнурительной.

Когда я уехала, то подумала, что это было именно то, чего я хотела. Но, когда шли годы, я все больше и больше начала в этом сомневаться.

Но мои родители спят, если я не устремлюсь вперед к тому, что планировала. Они заплатили за колледж, и они ожидали, что с их помощью я пройду через все то, что запланировала. Как бы они отреагировали, если бы я им сказала, что не хочу проходить весь этот путь наверх? Ужасно. Абсолютно ужасно.

Мое сердце болит, когда я представляю себе разочарование на их лицах.

Сара просигналила, выводя меня из задумчивости, и я прыгнула на пассажирское сиденье, пока она крутила радио. Она включила нашу любимую песню из старшей школы, ту, которую мы ставили на бесконечный повтор каждый раз, когда одной из нас нужна была поддержка. Я позвонила ей в это утро и рассказала ей все о Уайетте. Я ожидала, что она будет шокирована, но вместо этого она рассмеялась, сказав мне, что самое время для нас двоих признать то, что мы действительно чувствуем.

Мы, сказала она. Не только я. Она была уверена в том, что Уайетт был влюблен в меня с того дня, как он показался с тем проклятым телескопом, говоря о звездах.

Я и не смела надеяться на то, что она была права.

— Было так чертовски приятно тебя видеть, Бекка. — сказала она, когда выезжала на машине задним ходом с подъездной дорожки и направляла ее в сторону города. — Тебе нужно возвращаться домой почаще.

Я подумала о том, чтобы ей сказать, что определенно была бы здесь гораздо чаще, если бы решила не оканчивать юридическую школу, но я до сих пор не могла озвучить эти слова. Казалось, что они принадлежали другому человеку, другой жизни, другой Бекке, которая еще не решила сбежать в унижении.

Вместо этого я пошла неясным маршрутом.

— Я закончу учебу в мае и могла бы приехать домой, в этот раз на все лето.

Что — то, что я до сих пор не делала. Вместо этого, я оставалась в большом городе,

чтобы получить опыт работы, мучаясь во время практики, словно это не могло подождать. Я сказала себе, что это было для того, чтобы во всех отношениях улучшить свои шансы на получение работы, но теперь, находясь дома, казалось, что мои мотивы сильно отличались от этого. Казалось, что я пыталась избежать возвращения.

Как я пыталась избежать встречи с Уайеттом.

И глубоко в своей душе, я знала, что была права.

Сара завизжала и схватила меня за руку.

— Это было бы так чертовски удивительно. Ты *должна* приехать домой на лето. И... — она изогнула свои брови. — Только представьте себе, сколько времени вы с Уайеттом могли бы провести вместе, если бы ты была здесь в течение нескольких месяцев, а не несколько дней.

Мое сердце стучало. О, я *представляла*. Снова и снова, пока засыпала на кушетке.

— Мы даже не знаем, собирается ли он сделать шаг. — сказала я, пытаюсь успокоить себя, прежде чем мои фантазии заставили бы мой мозг резко активироваться. — Он — лучший друг моего отца. У меня есть ощущение, что это может быть для него решающим фактором.

— О, пожалуйста. — Сара резко направила машину в сторону, в результате чего в поле зрения появились часы на здании суда. — Если бы он был так против того, чтобы все развивалось, то не поступил бы так, как он сделал прошлой ночью. Этот мужчина находился за полсекунды от того, как тебя нагнуть и толкнуть внутрь тебя.

— Сара! — мое лицо пылало, но я не могла удержаться от улыбки. Она всегда была прямой и говорила по существу, и не стеснялась говорить о сексе так, как говорила обо всем остальном. О своей любимой группе, об ужине, о различных вкусах мороженого. Сара, в отличие от меня, *не была* девственницей. С тех пор, как ей исполнилось пятнадцать лет. Одна часть меня всегда завидовала ее опыту, но потом я вспоминала, что я не хотела никакого другого мужчину. Все, чего я хотела — это Уайетт.

— Ты знаешь, что я права. — Она припарковала машину у тротуара прямо у своей парикмахерской и указала на противоположную сторону улицы, туда, где была припаркована полицейская машина Уайетта. — Он здесь. Прямо как по часам. Как только поставят ель, я исчезну, что даст ему прекрасную возможность подвезти тебя домой. И под поездкой, я подразумеваю поездку на его члене.

Глава 5

Мы с Сарой пробирались сквозь толпу, моя рука постоянно была поднята в полу — взмахе. Каждое лицо, которое я видела, было знакомым, и меня окутало глубокое чувство принадлежности и правильности. Там была миссис Джонсон, учитель географии старшей школы. Мистер Мейсон, пожилой джентльмен, который отказался оставить работу в почтовом отделении, даже если ему приближался к восьмой десятку. И Ванда Уикерс, Джессика Армс, и Элисон Бейкер, девушки, с которыми я ходила в старшую школу. У всех троих были кольца на пальцах и младенцы на руках.

Я почувствовала укол ревности и продолжала двигаться сквозь толпу.

С той карьерой, которую я планировала, у меня пока не было времени или возможности иметь детей в течение долгого времени. Сначала мне нужно было окончить юридическую школу, устроиться на фирму, и проявить себя, прежде чем сделать перерыв в работе, чтобы иметь ребенка. Другие женщины из этой сферы, с которыми я разговаривала, ждали, пока им не исполнится тридцать, чтобы иметь детей, если не дольше.

В двадцать один год, я все еще была так молода, но уже чувствовала, что моя matka жаждет ребенка. Или двоих. Или троих.

Нахмурившись, я оглядела толпу в поисках безумно красивого лица Уайетта. Подвесные, праздничные огни мерцали под темным небом. Жители Сноу Пик любили во время праздников украшать наши причудливые улицы в центре города, и в этом году, они постарались изо всех сил. Повсюду, куда бы я ни посмотрела, все было украшено в красных и зеленых тонах, даже чашки для «Эггнога», которые радостные жители держали в своих одетых в рукавицы руках.

Внезапно, я замерла. Он был там. Он стоял прямо с другой стороны улицы, скрестив руки на груди, пока смотрел на фестиваль. Мигающие огни мерцали на его лице, выделяя улыбку, которая украшала его губы. Мои внутренности сжались при виде чистой любви в его глазах. Этот мужчина так любил этот городок. Даже гордился им. Уайетт кивал каждому человеку, который проходил мимо него, бормоча их имена и похлопывая их по плечу, когда они делали тоже самое.

Его глаза переместились на меня, а потом вдруг наши взгляды встретились. Казалось, что замедлился весь мир вокруг нас. Его улыбка прояснилась лишь на мгновение, прежде чем он ее снова скрыл, словно он вылил воду на огонь, который отказался отступить. Но, даже не смотря на то, что он стер улыбку, тепло в его глазах рассказало совсем другую историю. Между мной и им было так много людей, но ни один из них этого даже не

заметил. Его пристальный взгляд заставил меня чувствовать, словно мы были единственными людьми на площади.

Но точно так же внезапно, как его глаза оказались на мне, они исчезли. Старый мистер Уэзерс, организатор ежегодного фестиваля, остановился перед ним, похлопывая руку Уайетта, чтобы поблагодарить его за то, что он был здесь сегодня вечером. Уайетт отвел от меня глаза и завел вежливый разговор, но продолжал поглядывать на меня между своими улыбками, когда я отошла, направляясь к центру площади, где все собрались, чтобы наблюдать за установкой дерева в этом году.

Я могла чувствовать его горячие глаза на своей спине, но не знаю, представляла ли я себе это или же нет.

— Он смотрит на тебя. — прошептала Сара мне на ухо. — Seriously, ты не шутила. Я думала, что он раньше смотрел на тебя определенным образом, но это что — то другое.

Час спустя, Сара исчезла, и некоторые люди из толпы тоже начали расходиться. Родители детей помладше уходили, чтобы уложить их в постель, а пожилые люди направлялись домой, чтобы самим лечь спать. Все, кто остался: люди среднего возраста без детей и несколько шумных подростков, которые (я по своему опыту знала) украдкой наливали «Эггног» в свои чашки независимо от того, насколько внимательно кто — либо смотрел.

И Уайетт.

Я направилась мимо дерева с мигающими огоньками и остановилась, когда оказалась сбоку ли него. Он прислонился к перилам, скрестив руки на груди, источая чистую силу.

— Добрый вечер, Бекка. Ты получаешь удовольствие от сегодняшнего вечера?

— Да. — сказала я, потирая друг о друга свои руки в рукавицах. — Хотя, возможно, мне потребуется чашка «Эггнога», чтобы согреться. Сегодня вечером холодно.

Намек, намек.

Он поднял брови.

— Не думаю, что твой отец простит меня, если я позволю тебе выпить алкоголь на моем дежурстве.

— Позволишь мне? — нахмурилась я, раздражение бурлило внутри меня. Может быть, я была неправа. Может быть, он действительно видел во мне лишь ребенка, если он не понял, что я могла совершенно законно выпить. Может быть, он до сих пор думал обо мне, как о ребенке. Весь огонь погас в моем животе при этой мысли. — Ты же знаешь, что мне двадцать один год, не так ли? Я могу пить, нравится тебе это или нет.

Мой голос вышел более резким, чем я предполагала, и его брови поползли еще выше на лоб.

— Двадцать один? — он покачал головой и улыбнулся. — Я думал, что тебе еще двадцать лет. Определенно, ты уже выросла, не так ли?

— О, я выросла более чем в одном плане. — слова вырвались из моего рта, прежде чем я смогла их остановить. Они были испытанием, практически вызовом. Я здесь флиртвала с опасностью, но пришло время, чтобы остановить танцы вокруг этого вопроса. Мы оба знали, чего я хотела, и его твердый член «сказал» мне вчера вечером, что он тоже этого хотел. Мы оба были взрослыми, и он должен был увидеть это. Флирт был в повестке дня.

Его глаза опустились на мою грудь. Она была прикрыта моей густой шубкой, но это не остановило его от инстинктивного взгляда на мои изгибы.

— Да, я заметил.

Сквозь меня пробежала дрожь, и дерзость, которую я никогда не знала, стиснула мои внутренности.

— Сара уехала, ничего мне не сказав, а она меня сюда привезла. Мне нужно, чтобы кто —нибудь подвез меня домой. Предпочтительно, ты.

— Хорошо. — кивнул он мне, его знойные горящие глаза так и не оставили моего лица. — Похоже, тебе лучше поехать со мной.

Глава 6

У меня тряслось колено, пока Уайетт вел машину вдоль «Большой Медвежьей Дороги». Между нами повисло абсолютное и тяжелое молчание. Я была в его машине много раз до этого, но никогда это не происходило таким образом. Между нами назревало невысказанное напряжение, и потребовалось все мое самообладание, чтобы я не протянула свою руку и не провела ей по его штанам. Я задавалась вопросом, как бы он отреагировал, если бы я опустила голову и обхватила его член своим ртом.

Влага покрывала мои трусики. Я взяла с собой в эту поездку только три пары. Таким образом, мне следует завтра поехать в город и купить еще несколько, если я собираюсь ходить в чистое белье оставшуюся часть уик-энда.

Уайетт остановился на подъездной дорожке и заглушил двигатель. Он не взглянул на меня, когда вышел из машины, подошел к двери и открыл ее для меня. Я выскользнула в ночь, прижимаясь к нему, когда он наклонился надо мной, чтобы закрыть дверцу. Его запах ошеломил меня. Сосново — мятный одеколон. Он заставил звенеть у меня в ушах, а мои глаза наполнились водой. Я провела языком по своим губам, и когда подняла голову, то смогла увидеть его внимательный взгляд, сосредоточенный на каждом моем движении.

— Позволь мне пройти с тобой внутрь, чтобы убедиться, что все безопасно. — сказал он сдавленным голосом.

Я не стала спорить.

Когда мы вошли внутрь, Уайетт, не торопясь, прошел по дому, проверяя каждую комнату. Я сказала себе, что он бы сделал это для любого. Просто именно таким человеком он был, всегда заботливым и заинтересованным. Но, пока секунды тикали, жажда в моей

киске росла все больше и больше, было чувство, что он не торопился. Было похоже на то, что он не хотел уходить. Словно он откладывал тот момент, когда должен был бы выйти в эту дверь.

— Все чисто. — сказал он, когда наконец — то вернулся. Он пошел вперед и стал у камина, на противоположном конце гостиной от того места, где стояла я, ожидая, теребя подол своей майки с низким вырезом.

Я выбрала ее специально для него. Это была старая майка на лямках из старшей школы, та, которая была немного слишком мала, и немного слишком узкая, и она подчеркивала ложбинку на моей груди. А еще я не надела лифчик, и мои твердые соски выпирали на ткани, выделяясь в темной комнате. Я могла сказать, что он не пропустил моих усилий. Его взгляд был прикован к моим девочкам.

— Спасибо за то, что убедился, что все безопасно. Думаю, что сейчас я могу принять ванну. Намылиться в горячей воде с пеной после вечера, поведенного на морозе. — я наклонила голову, пытаясь нацепить соблазнительную улыбку. — Как ты думаешь, это кажется хорошей идеей?

Он издал гортанный звук настолько низкий, что я почти его не слышала.

— Бекка, не делай этого.

Мое сердце стучало в моих ушах. Это работало. Чтоб меня, это работало.

— Не делать чего? — я прижалась к столу позади меня и позволила своей заднице натолкнуться на любовный роман, который я читала прошлым вечером. Он соскользнул и со стуком упал на пол. — Упс.

Я повернулась и наклонилась, чтобы его поднять, держа свою задницу очень высоко в воздухе и крутя ей, пока хватала книгу, демонстрируя свои ноги в юбке и колготках, которые были на мне. Прежде, чем я встала, Уайетт был позади меня, а его рука, слегка касаясь, двигалась по моей заднице. Кровь шумела в моих ушах, и у меня перехватило дыхание. Медленно, я выпрямлялась, но он положил свою руку мне на спину и удержал меня в том положении.

— Это то, чего ты хотела? — спросил он медленно, прежде чем быстро шлепнуть по моей попке. Мои соки еще больше промочили мои трусики, все мое тело покалывало.

Я не смела двигаться из страха, что он снова сбежит.

— Да.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Его рука медленно скользила вниз по моей попке перед тем, как проскользнуть между моих бедер. Его длинные пальцы прижимались к тонкому материалу моих колготок, материалу, который промок из — за того, насколько мокрой я уже была. Он сделал паузу, чувствуя мою влагу, и на долю секунды, я подумала, что он решил остановиться. Но вместо этого, его хватка на моей спине усилилась. Его пальцы нажимали сильнее на мое промокшее место, потирая и дразня, и заставляя извиваться все мое тело.

Уайетт МакДауэлл трогал меня. Единственный мужчина, которого я когда — либо хотела, мужчина моей мечты и моих фантазий. Его пальцы гладили мою киску, и, несмотря на то, что между нами была ткань, у меня были такие ощущения, словно я была на самом краю самого лучшего оргазма в моей жизни.

— Я хочу увидеть, эту твою киску. — прорычал он слова, когда отдернул свою руку, оставив меня задыхающейся и жаждущей большего. — Оставайся в таком же положении.

Прежде чем я успела среагировать, он разорвал мои колготки одним быстрым

движением, и прохладный воздух прошелся по всей моей коже. Я ахнула, чувствуя желание, пронзавшее меня, моя женственность была выставлена перед ним напоказ, таким образом, как она никогда никому не была показана прежде. Он был единственным человеком в мире, который когда — либо видел мою киску, и знание, что его глаза смотрели на мои розовые губы, заставило меня течь еще больше.

— Боже мой. — сказал он, его голос был грубым. — Ты такая чертовски мокрая для меня.

— Я хочу тебя внутри себя. — сказала я, учащенно дыша. Каждая прошедшая секунда заставляла меня чувствовать более отчаянную нужду в его прикосновениях. Я была настолько заведена, что толкнулась своей задницей еще выше и прижалась своей сыростью к его промежности. Его член был таким твердым, таким толстым, таким большим. Я ахнула и начала тереться о него, с дикой энергией вертеть попкой, задевая его промежность. Я отбросила все свои запреты, и позволила моему телу взять контроль над моими мыслями, когда с неистовой энергией терлась о его член своей горячей и ноющей киской.

С рычанием, он наклонился вперед и укусил меня за ухо, прежде чем оттолкнуть мою задницу от своей промежности. Он вонзил в меня свой палец, с легкостью проскальзывая в мою узкую полость, несмотря на то, что никто никогда этого не делал. Я была, такой мокрой, такой возбужденной, что моя сочащаяся киска была его, если он хотел ее взять. И, ох, он ее взял. Его пальцы трахал меня так сильно и так быстро, что у меня начало звенеть в ушах.

— Боже мой. — сказал он, трахая меня еще быстрее своими пальцами. — Ты так меня жаждешь, детка. Вот так, детка.

Он проскользнул в меня еще одним пальцем, прижимая оба к моим скользким стенкам. Я закричала, и от удовольствия и от боли. Я была уверена, что таким образом он лишит меня девственности, и, несмотря на то, что я хотела, чтобы он это сделал своим членом, я не могла не биться своей задницей о его руку. Он меня шлепнул. Потом еще два раза. Так сильно, что моя кожа начала гореть от интенсивности шлепков. И, несмотря на то, как хорошо это ощущалось, все, о чем я могла думать, — это его член.

Я обернулась, покалывание прошло сквозь меня. Он выглядел почти шокированным из — за того, что происходило между нами, но это не помешало ему потирать своим большим пальцем мой клитор, посылая меня к самому краю. Я потянулась к его ширинке и начала расстегивать молнию на его штанах, прямо в тот момент, когда начал открываться замок на входной двери.

Рука Уайетта замерла, его глаза расширились, и он отскочил.

— Какого черта? — ахнула я, когда начала открываться входная дверь. Сапоги стучали по краю порога, знакомый звук, из — за которого от моего лица отхлынула вся кровь. Это было тем, что всегда делал мой отец, когда приходил домой в снегу. Это было таким обычным, как солнце, прячущееся за облаками. Скрипнула дверь, топали сапоги, отряхиваясь от снега, их сбросили, и вошли внутрь.

Дерьмо. Мои родители вернулись. И они войдут в любую секунду.

И найдут...

Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Мое сердце сильно стучало, я натянула юбку вниз на свою задницу, но она едва прикрывала огромную дыру на моих колготках. Я поправила свою майку и схватила с задней части дивана платок моей мамы, чтобы прикрыть свои твердые соски, которые были

выставлены на всеобщее обозрение. Затем я пригладила свои волосы, попыталась успокоить свое дыхание, и бросила на Уайетта быстрый взгляд.

Его лицо было бледным, а выпуклость в его штанах все еще была очень большой... как и то влажное место, где я терлась о него своей мокрой киской, словно кошка в течке.

Он передвинулся за кресло, чтобы скрыть свою промежность с поля зрения моих родителей всего лишь за две секунды до того, как полностью открылась дверь.

— Бекка! — лицо моего отца загорелось, когда он меня увидел. — Рад видеть, что ты здесь и в порядке, ребенок.

Ребенок. Я отказывалась смотреть в сторону Уайетта, когда неожиданно снова возникло это чертово прозвище из моего детства. Конечно же, это только напомнит ему о том, что я была на девятнадцать лет моложе него, и что я была дочерью его лучшего друга. Полная противоположность того, как я хотела, чтобы он обо мне думал.

— И Уайетт. — мой папа выглядел удивленным, но не несчастными. Вероятно, ему никогда бы не пришло в голову, что его лучший друг был в нескольких минутах от того, чтобы забрать девственность его дочери.

Прямо перед тем как они появились.

Идеальный выбор времени.

— Папа. — пульс бешено колотился на моей шее, и все мое лицо горело от смущения. — Что вы делаете дома?

— Мы слышали об ограблении. — он держал открытой дверь, пока моя мама не проскользнула за ним, все еще полностью одетая в ее лыжное снаряжение. Должно быть, они мчались со всех ног, как только услышали о произошедшем.

— Мы не собирались оставлять тебя здесь совсем одну, если существуют хулиганы, вызвавшие эту суматоху. О, привет, Уайетт. Я не ожидала увидеть тебя здесь в этот час.

Уайетт прочистил свое горло, явно чувствуя себя также неудобно, как и я.

— Бекке было нужно, чтобы ее подбросили домой после фестиваля, который был сегодня вечером. Я чувствовал, что было бы правильно проверить здесь все и убедиться, что она в безопасности. Прошлым вечером она была довольно испуганной.

— Да? — мой папа поднял брови. Дерьмо. Я не позвонила и не рассказала им об окне именно по этой причине. Я не хотела, чтобы они появились из ниоткуда и быстро пресекли секс, которого я так отчаянно хотела. Наконец — то. После нескольких лет сильного желания.

И теперь, когда они были дома, я, конечно же, не получу его прямо сейчас. Их присутствие было смущающим напоминанием в первую очередь о том, почему мы не могли это начать.

— Я объясню позже. — быстро сказала я. Они обрадуются окну на втором этаже, и не будут счастливы из — за того, что я не сказал им об этом раньше.

— Ну, спасибо тебе, Уайетт, за то, что присмотрел за нашей девочкой. Я знаю, что ты всегда это делаешь. — мой папа отстранился и похлопал по спине Уайетта, который одарил его натянутой улыбкой.

— Я лучше пойду. — сказал Уайетт. — Уже поздно.

— Ерунда. — мой отец одарил его мегаваттной улыбкой, заставляющей его выглядеть на десять лет моложе, чем он был на самом деле. — Сейчас субботний вечер, и ты знаешь, что это значит. Почему бы тебе не остаться, как в старые добрые времена?

Уайетт тяжело сглотнул, но не стал спорить. Вместо этого он отправился из гостиной в

сторону кабинета моего отца. К бару с виски и сигарами. Они будут там сидеть в течение следующих нескольких часов, болтая, черт знает о чем. Наверное, травя байки из их студенческих лет. Как только они исчезли, я проскользнула наверх, к себе в комнату с разбитым окном.

Мне был нужен порыв ледяного воздуха, чтобы успокоиться.

Глава 7

Я не слишком много поспала. Во — первых, мне снова пришлось спать на кушетке после того, как я показала маме, что именно вызвало панику накануне вечером. И во — вторых, я слышала голос Уайетта, раздававшийся дальше по коридору, когда они с моим папой говорили в течение нескольких часов. Я ворочалась, воспоминания вспыхивали и гасли у меня в голове. Ощущение его руки на моей влажной коже. То, как его палец проскользнул внутрь меня. То, как он пристально на меня смотрел, словно я была единственной девушкой в мире.

Когда я проснулась, машина Уайетта все еще была на подъездной дорожке. Он, очевидно, ночевал оставшуюся часть ночи на кушетке в кабинете отца. Он много раз так поступал, всегда делая правильные вещи, не садясь за руль, даже если за всю ночь он выпивал лишь один бокал.

Я не была готова его увидеть. Еще нет. Вещи ощущались такими странными, когда показались мои родители, а он не бросил на меня и мимолетно взгляда во время всей напряженной беседы, когда они только прибыли. Я бы сказала, что он чувствовал себя виноватым. А я это ненавидела. Мне хотелось его обнять и сказать, что ему нечего стесняться. Конечно, я была дочерью его лучшего друга. Но еще я была и взрослой женщиной, которая может принимать в жизни свои собственные решения. И, быть с ним — это единственное, в чем я когда — либо была уверена.

Не колледж, и не моя степень, определенно, не большой город. Я никогда не была по — настоящему, на сто процентов уверена, что это было тем, чем я хотела заниматься. Я всегда чувствовала, что часть меня не была уверена в том, что это было правильно. Я всегда чувствовала, что часть меня осталась позади. Я больше бежала от своего чувства стыда, чем направлялась к новой жизни. Побег из Сноу Пик был способом уйти от отказа Уайетта. Теперь, когда был шанс, что все это время я была не права, больше не было ощущения, словно часть меня находилась здесь в ловушке.

Казалось, что все во мне цеплялось за этот городок, от самых кончиков пальцев до макушки.

Это был мой дом, и мне нужно было прекратить убегать.

— Доброе утро. — Уайетт проскользнул на кухню, его голос был глубоким и спокойным. — Мы должны поговорить о том, что случилось.

Мой пульс набирал скорость. Он выглядел лучше, чем когда — либо раньше. Я много раз видела его утром, но сейчас в нем было что — то новое. Несовершенство, которого я никогда раньше не видела. Его темные волосы были слегка растрепаны, но его глаза были яркими, освещенными пламенем, которое я чувствовала своим нутром.

Половицы проскрипели над головой, сигнализируя о том, что мои родители направлялись к лестнице.

— Я не уверена в том, что здесь самое лучшее место, чтобы об этом поговорить.

Он кивнул головой и провел рукой по своей щетине. Рука, которую я очень хорошо знаю, особенно тогда, когда это происходило всего двенадцать часов назад.

— Ты права, но Джек упомянул, что сегодня ты отправляешься обратно в город, так что я не знаю, когда еще мы могли бы обсудить... это.

Нахмурившись, я отвела взгляд. Он был прав. Мой первоначальный план состоял в том, чтобы остаться только на выходные, а вернуться в воскресенье днем, так как в понедельник мне все еще надо было посетить кое — какие занятия. Это можно было рассматривать только в качестве временного побега перед последней упорной работой на последних занятиях этого семестра. У меня был экзамен в конце недели, тот, который мне нужно учить, но я намеренно оставила свои учебники в городе, чтобы в течение нескольких дней я могла получить временный перерыв от всего этого.

И все же... мои ноги, казалось, прочно приросли к месту.

— Я могла бы вернуться сегодня вечером или завтра утром.

Его пристальный взгляд захватывает мой.

— Ты уверена, что это именно то, что ты хочешь сделать?

— Я уверена. — мой голос напрягся в конце, колеблясь под его пристальным вниманием. Было так тяжело смотреть на него, не прижимая себя ко всему его телу, и не умоляя его жестко меня взять, даже зная о том, что мои родители были наверху. Они могли направиться вниз в любую минуту и поймать нас в процессе, но это не погасило мое желание ни на йоту

— Сегодня во второй половине дня я собираюсь в участок, чтобы чуть — чуть поработать с бумагами. Он начал выходить из кухни, когда шаги барабанили по залу.

— Приходи около двух, и мы поболтаем.

Я прикрепила бейдж с надписью «посетитель» и нарисовала губы темно — красным блеском. Я никогда не была той, кто красится, но это не были нормальные обстоятельства. Я собиралась идти "встретиться" с мужчиной, который трахал меня пальцами прошлой ночью, с мужчиной, о котором я фантазировала с тех пор, как я была достаточно взрослой, чтобы понять, что такое фантазии.

Я не имела понятия, чего ожидать. Я позвонила Саре, чтобы ввести ее в курс, и она предположила, что было два пути развития событий. Либо он собирался подводить меня мягко и объяснить, почему то, что случилось, никогда не сможет повториться. Либо он собирался дать мне изысканный конец того, что мы начали прошлой ночью. Я жадно надеялась, что это было последнее. Отсюда, темно — красный блеск, который заставлял мои губы выглядеть более пухлыми, чем обычно.

После того, как вылезла из машины, я направилась в участок. Было тихо и темно в обычно шумном офисном помещении, не было никого в поле зрения в воскресенье днем. Это был небольшой городок, но обычно у Уайетт в участке была команда, работающая вместе с ним. У него был заместитель, секретарь, и несколько ассистентов, которые делали общую работу, не связанную с уголовными делами. В этом городке происходило не достаточно, чтобы требовалось больше людей.

Спокойно, я прошла по участку и протиснула свою голову в дверь его кабинета. Его стол был завален бумагам, а также четыре чашки кофе были расставлены по всей дубовой поверхности. Даже несмотря на то, что сейчас было воскресенье, Уайетт надел свою форму, и он выглядел, как самая сексуальная вещь на земле, хотя его глаза показали намеки на

усталость.

— Ты выглядишь занятым, — сказала я, внезапно не уверенная в том, должна ли я быть здесь, прерывая таким образом его работу. Также сильно, как я хотела выложить наши карты на стол, я не хотела отвлекать его от того, что явно было горой документов.

Он вздохнул и кивнул головой.

— Я взял на себя эту работу, потому что хочу защитить хороших людей этого города. Я уверен, что ты знаешь, что преступлений мало, и они редко происходят, так что из здания суда прислали кучу документов, которые, откровенно говоря, не моя специальность. Заявки на права. Разрешения на брак.

— Здание суда. — я подняла брови.

— У них мало сотрудников. — Уайетт бросил ручку на стол и откинулся на спинку кресла, прежде чем скрестить на груди его большие руки. — Старик Альберт вышел в отставку несколько месяцев назад, и одна из девушек, которая делала вещи такого рода, сбежала в большой город на высокооплачиваемую должность, предпочтя ее жизни в небольшом городке. Так, как ты.

— Может быть, мне стоит подать заявление. — Я едва могла поверить в то, что сказала эти слова, но это казалось самой лучшей идеей, которая у меня была за последние годы. Я могла бы быть дома (рядом с Уайеттом) используя свою степень, над которой я так тяжело и так долго работала. Это был беспроектный вариант, независимо от того, каким образом я на это смотрела.

— Ты? — Уайетт потер щетину на подбородке и нахмурился. — Бекка, я надеюсь, что это не из — за меня. Ты все это время упорно работала в юридической школе, и здесь у тебя и близко не будет таких возможностей, которые есть в большом городе. Ты знаешь так же хорошо, как и я, что здесь нет больших модных юридических фирм.

— Я думала о том, чтобы на некоторое время вернуться назад. — я протиснулась в офис и села на край стола. — Я имею в виду, что солгала бы, если бы сказала, что не думаю о тебе, но дело больше, чем просто в этом. Дело в этом месте. Это — мой дом. Здесь спокойно и свежо, и полно щебетания птиц и ясного неба.

— Ты думаешь обо мне? Ах, Бекка, дорогая. — вздохнул Уайетт и встал из — за стола, и я вдруг почувствовала, словно совершила ужасную ошибку. Взгляд его глаз не был теплым. Это был один из взглядов с отказом, словно он собирался сказать «до свидания». Мне, нам, тому, что бы не происходило между нами, тому, что явно было между нами в течение очень долгого времени. — Мы не можем этого сделать. Это — не правильно.

— Это не то, что ты, казалось, говорил прошлой ночью.

— Я был пойман моментом. Твой отец убил бы меня. — Он вздохнул и закрыл глаза. — Разве ты не хочешь вернуться в юридическую школу и переспать с некоторыми парнями своего возраста? Получить удовольствие, пока ты еще молода? Я уверен, что каждые выходные новый парень оббивает твой порог.

Меня пронзил гнев. Он думал, что я была какой — то легко доступной девушкой, которая спит с парнями налево и направо, вероятно, потому что с ним я была такой.

— Они могут обивать порог сколько им нравится, но они не получают ничего из этого. Существует только один мужчина, которого я когда — либо хотела, и он, конечно же, не какой — то там тупой ребенок из колледжа, который не знает, как разговаривать с женщиной, и намного меньше знает, как ее трахнуть.

Тепло загорелось в глазах Уайетта, когда он вытянул в себя воздух через свой

раскрытый рот.

— Ты же не хочешь мне сказать...?

— Я — девственница. — я подняла свой подбородок. — Никто никогда не видел меня, никто никогда не прикасался ко мне, и никто никогда не был внутри меня.

— Моя сладкая, сладкая девочка, — пробормотал Уайетт, прежде чем наклониться вперед и обрушить свой рот на мои губы.

Глава 8

Все мое тело ожило, когда Уайетт вонзил язык в мой рот. Постанывая, я закрыла свои глаза и прижалась к нему своим телом, ощущая жесткую поверхность его мужественной груди. Его массивный член впивался мне в бедро, когда он терся о меня, а между нами струилась страсть. Через несколько секунд мои трусики были промокшими насквозь. Еще одна пара испорчена. Но кого это, черт возьми, волнует?

Все, о чем я волновалась, был Уайетт. Его руки, его губы, его член. Я хотела, чтобы каждая его часть касалась меня, гладила меня, трахала меня так сильно, что на следующий день я не смогла бы ходить.

Его зубы прикусывали мою шею, когда он разорвал на мне рубашку, и моя грудь появилась в его поле зрения. Мои соски были такими твердыми, что это причиняло боль, а боль между моих бедер усиливалась с каждым ударом моего сердца. Он меня так сильно возбудил прошлым вечером, и у меня до сих пор не было освобождения. Если сейчас он хотя бы раз там ко мне прикоснулся, я могла бы распасться кучкой кричащего экстаза.

Но он не торопился. Его язык делал круговые движения на моей полной и дрожащей груди, полизывая и посасывая, и подразнивая меня каждым изысканным ударом. Извиваясь под его прикосновением, я откинула назад голову и простонала так громко, что любой проходящий за окном, несомненно, смог бы меня услышать.

Уайетта, казалось, это не волновало. Казалось, что наоборот он от этого еще больше возбуждался.

Он отстранился и стащил мои джинсы и трусики с моего дрожащего тела, втягивая в себя воздух, когда его глаза меня осматривали.

— Ты — самая красивая женщина, которую я когда — либо видел, — сказал он с глубоким рычанием, прежде чем снять через голову свою рубашку. Все его тело состояло из сплошных мускулов, которые перекатывались, когда он двигался.

А потом исчезли его штаны. А потом его тесные боксеры.

Его огромная эрекция возникла в моем поле зрения, толстая и розовая, пульсирующая из — за необходимости, которая, безусловно, совпадала с моей собственной. Я хотела его внутри меня, здесь и сейчас, и всю оставшуюся часть моей жизни.

Снова и снова, пока ничего бы не существовало в мире, кроме нас.

Он поднял меня на стол и толкнул на спину, его губы оставляли след на моей коже, его пальцы впились в мои бедра. Все мое тело дрожало от нетерпения, когда его рот продвигался все ниже, ниже и ниже. До тех пор пока он не зависнул, дразня, всего в дюйме от моего клитора. Он наклонился и провел своим языком по моей мокрой и жаждущей киске.

И, о, *Боже мой*, я никогда раньше в своей жизни не чувствовала ничего подобного. Это полностью сводило меня с ума, и я не могла противиться тому, что мое тело тряслось на

столе, а мои ноги обернулись вокруг его шеи.

— Ох, тебе это нравится, не так ли? — пробормотал он, прежде чем погрузиться обратно. Его язык скользил по моему клитору, посылая новые ударные волны удовольствия через мое дрожащее тело, и он лизал меня с лихорадочной энергией, которая заставила меня чувствовать себя самой вкусной женщиной, которую он когда — либо пробовал.

Я хотела большего, большего, большего, но это ощущалось так чертовски хорошо, что я не смогла бы продержаться больше. Он жадно пил каждую каплю моих соков, прежде чем погрузить свой язык в мои складки. И это было все, что я могла принять. Мой оргазм пронесся сквозь меня, такой сильный и такой быстрый, что в моих ушах начало греметь от моего волнующего освобождения. Мое тело тряслось и дрожало, а моя киска туго сжалась в то время, как волна соков выскользнула из моего отверстия и растеклась по его губам.

— Это было только начало. — улыбнулся Уайетт, когда надвигался на меня сверху, его огромный член, стоял по стойке «смирно». — Ты уверена, что хочешь этого, детка?

— Я так ужасно хочу, чтобы ты был внутри меня. — я едва могла говорить после того, что только что произошло. Я была такой истощенной, что не могла себе представить, как бы я себя чувствовала после того, как он бы полностью закончил заниматься мной. Но я никогда в своей жизни не была ни в чем больше уверена.

— Я буду нежен. — он проткнул мою киску своим членом прежде, чем начал мягко скользить внутри меня, его толщина прижималась к моим нежным стенкам. Он легко вошел внутрь меня после того, какой мокрой меня сделал, и с помощью своего языка, и из — за моих собственных фонтанирующих соков. Тем не менее, было ощущение, что он едва мог поместиться внутри меня. Таким толстым и длинным он был. Не было никакой чертовой возможности, чтобы другие мужчины смогли сравниться с его величиной.

Но, несмотря на то, что сквозь меня прошла вспышка боли, это было так хорошо, что я не хотела, чтобы он останавливался.

Ни сейчас, да никогда.

— Так хорошо, детка? — спросил он, оставляя мягкие поцелуи на моих щеках и на лбу. Он был таким нежным, таким ласковым. Это заставило мое сердце переполняться чувствами, когда он толкнулся в меня глубже, пока его выпуклая головка не нажала на что — то внутри меня. — Ты ощущаешься так хорошо, так сладко.

Он начал раскачиваться на мне, медленно и неуклонно его член проскальзывал внутрь и выскальзывал из меня. Мои мышцы сжались вокруг него, когда снова внутри меня начало зарождаться удовольствие. Выгибая свою спину, я раздвигала свои ноги все шире и шире, желая, чтобы он был глубже внутри меня, хотя было ощущение, что я не могла вобрать его еще больше. Все, чего я хотела, — это быть как можно ближе к нему, чем я могла бы быть, а это означало, вобрать его настолько, насколько я могла это сделать.

Внезапно он поднял меня со стола, словно я весила не больше куклы, и перевернул меня, прижав лицом к столу. Он еще раз толкнулся внутрь меня, на этот раз с гораздо большей интенсивностью, чем раньше. Постанывая, я встала на цыпочки, чтобы поднять свой зад выше в воздух, чтобы дать ему больше доступа, чтобы он меня трахал так сильно, как только мог.

И он это сделал. Его темп набирал скорость, его гениталии врезались в мою задницу, сводя меня с ума от удовольствия все сильнее и сильнее. Я извивалась и стонала, и сжимала бумаги, лежащие на столе. Было такое чувство, словно он заявлял на меня свои права, как на его собственность, показывая мне, насколько я ему принадлежала, независимо от того, как

усердно и сильно он пытался оттолкнуть в сторону это чувство.

Он схватил меня за талию и ударил меня по заднице, и его громкие стоны соединились с моими собственными криками желания. Я выкрикивала его имя, снова и снова, пока мое удовольствие не выстроилось в ревящее крещендо [прим. пер. музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука]. Я снова кончила, сильно, так сильно, что мой крик разрывал мое горло. И, когда я вздрогнула, то почувствовала, как его член делал то же самое, его семя изливалось в мое тело.

Он оставался внутри меня, когда наклонился, чтобы обернуть вокруг меня свои руки, его руки пощипывали кожу вокруг моего соска. Независимо от меня, сосок напрягся от очередного прикосновения Уайетта. Желание все еще ревело внутри меня, ненасытной. Из — за Уайетта. Теперь, когда я уже испытала, насколько хорошо быть трахнутой этим мужчиной, я его снова хотела. И снова. И снова. Я бы могла заниматься этим часами.

— Уайетт? — знакомый голос проник через дверь кабинета. — Ты здесь?

Знакомый голос. Голос моего отца. Дерьмо, не снова. Я взглянула на одежду, разбросанную по полу и на румянец на щеках Уайетта. Я знала, что мое лицо должно быть таким же покрасневшимся, а мои волосы, должно быть, стояли во все стороны. Не говоря уже о запахе секса, висевшем в воздухе.

Я схватила свою одежду с пола и поспешно оделась, в то время как Уайетт сделал то же самое. Возможно, он мог выскочить в приемную, прежде чем сюда вошел бы мой папа, и мог бы провести его обратно на улицу, пока бы я не придумала способ отсюда улизнуть.

Но подождите. Моя машина была у входа. Папа бы понял, что я здесь.

Как только, Уайетт застегнул пуговицу своих джинсов, шаги замедлились у двери его кабинета.

— Бекка? — голова моего отца неожиданно проскочила внутрь, и все застыли на мучительное мгновение. Его глаза задержались на моем лице, прежде чем заскользили вниз к моей помятой одежде. Они направились к Уайетту, который выглядел таким же растрепанным, как и я. Его форменная рубашка все еще была расстегнута, показывая шесть кубиков его пресса. Не нужно быть ученым, чтобы точно знать, что здесь произошло.

— Уайетт? — голос моего отца стал ледяным, и он сжал дверь. — Пожалуйста, выйди в коридор. Нам нужно поговорить.

Глава 9

Уайетт исчез с моим отцом, не сказав мне ни слова. Он даже не посмотрел в мою сторону. Это было плохо. Это было очень плохо. Может быть, мой папа поймет. Я была взрослой женщиной, в конце концов. Несмотря на это, он всегда будет видеть меня своей маленькой девочкой, он должен был знать, что, в конце концов, я бы связалась с мужчиной, не так ли? И хорошо, возможно, его бы не волновало то, что его лучший друг был тем мужчиной, которого я выбрала, но в конечном счете, Уайетт уже был постоянной частью нашей жизни. Конечно же, он бы предпочел, чтобы с его дочерью был порядочный человек, которого он знал, а не какой — то городской мудака, которого он никогда раньше не встречал. Правильно?

Все эти мысли, пролетающие у меня в голове, не остановили моей паники. Не тогда, когда я могла слышать громкие голоса, раздававшиеся дальше по коридору. Я шагала туда — сюда, туда — сюда, пытаюсь ходьбой устранить тревогу из моего тела. Папа и Уайетт так

долго были друзьями. Так же, как я хотела, чтобы Уайетт занимал более *особую* часть в моей жизни, так же я не хотела, чтобы мой папа лишился такой дружбы. Он не был так дружен с кем — то еще. Они были товарищами, доверенными лица, абсолютными «лучшими друзьями навсегда». Я ненавидела быть той, кто разрушит их дружбу.

Повышенные голоса, наконец — то, стихли, и Уайетт вернулся в свой кабинет, моего папы нигде не было видно. Уайетт проскользнул в комнату, его тело было напряжено, его спина была прямой. И он снова избегал моих глаз, заставляя панику, терзающую мои внутренности, вырасти в десять раз.

— Твой отец хотел, чтобы я тебе сказал, что он ждет у входа, чтобы помочь тебе добраться до дома. Он говорит, что ты должна идти, ты сможешь вернуться в город, прежде чем станет слишком темно.

— Поможет мне добраться до дома? — мое тело начало трясти. — Вернуться в город, сегодня вечером?

— Правильно. Ты должна идти.

Он был таким далеким, таким холодным. После того, как я только что отдала ему *все*, как он мог внезапно отталкивать меня таким образом? Словно мы не были только что настолько близки, насколько вообще могли бы быть? Я только что отдала ему свою девственность, и он об этом знал. Слеза выскользнула из моего глаза и покатила по моей щеке.

— Уайетт, что он тебе сказал? — спросила я, двигаясь ближе к нему. Он последовал за моим движением, направляясь назад к двери и открывая ее еще шире.

— Не важно, что он сказал, — настаивал Уайетт. — Важно то, что тебе нужно возвращаться в колледж и убедиться в том, что ты закончишь свое обучение. Было очень приятно тебя видеть, Бекка. Ты добьешься в своей жизни всего, что только хочешь, и я желаю тебе всего самого лучшего.

Глава 10

Прошло три недели с тех пор, как произошло унижительное свидание с Уайеттом МакДауэллом, и из — за этого я едва сдала выпускные экзамены. Не имело значения то, что я делала, не имело значения то, куда я шла, все, о чем я могла думать, — это то, как он холодно вытолкнул меня из своей жизни. Я знала, что мой папа был причастен к тому, что Уайетт внезапно от меня отвернулся. Он сказал ему *что — то*, что вызвало такую реакцию, хотя я не смогла заставить его признаться.

Он не был зол на меня, не на самом деле. Казалось, что на сто процентов он переложил вину на Уайетта, и хотя, он не был справедлив, именно таким был мой отец. Я была его дочерью, его маленькой девочкой, а Уайетт был мужчиной, «воспользовавшимся» мной, или, по крайней мере, именно так всю эту картину видел мой отец.

Я не могла ему объяснить, что вся эта ситуация была такой же моей идеей, как и Уайетта. Я имею в виду, что практически набросилась на мужика.

Конечно же, папа не был способен этого увидеть, так что он отправил меня обратно в юридическую школу, чтобы я закончила семестр.

На самом деле, я не очень — то хотела возвращаться домой на каникулы, но конец семестра примчался ко мне, как неуправляемый поезд. Пришло время храбро встретить критику, и не было никакой возможности этого избежать.

Мой желудок сжимался и переворачивался от этой мысли, когда я была на полпути по автомагистрали, мне пришлось направить свой автомобиль к обочине дороги, чтобы броситься в кусты. Я чувствовала себя больной в течение всего дня, верный признак того, что моя тревога сильно увеличилась. Обычно, мысль о доме заставляла меня чувствовать себя спокойно и мирно, но эта поездка была другой. Мне придется столкнуться с моими родителями в первый раз после инцидента с Уайеттом. С тех пор мы едва говорили по телефону. Я знала, что мой отец был очень недоволен тем, что поймал меня на том, что я сделала, даже если он меня за это не винил. Словно он в первый раз увидел меня такой, какой я была, и он не был готов признать, что я выросла.

И я понятия не имела, как бы отреагировала, если бы столкнулась с Уайеттом лицом к лицу, в то время как я была дома.

Конечно же, я его увижу. Было невозможно не увидеть, даже если мои родители выставили его из своей жизни. Он будет патрулировать, и я увижу его, проходящего мимо, и если он только лишь поздоровается со мной, то это меня убьет.

После того, как он был так холоден, мне было трудно представить, что он сделает что — то большее, чем это.

Как только я прибыла в Сноу Пик, то отправилась в парикмахерскую Сары, прежде чем направить свою машину к дому. Что угодно, чтобы отсрочить неизбежное. Она закрывалась, когда я вошла в дверь, маленький колокольчик зазвенел, когда за мной закрылась дверь.

— О, Бекка. — она подошла ко мне и обвила своими руками мою шею, притянув меня в крепкие объятия. С моего отъезда, даже если мы были в милях друг от друга, повзрослев, мы с Сарой были так же близки, как и в старшей школе. Вообще — то с ней мы были ближе, чем с любой из девушек, которых я знала в большом городе. И вместо того, чтобы наша вновь обретенная дружба заставила меня чувствовать себя лучше из — за всей ситуации, она заставила меня тосковать по дому *еще больше чем когда — либо*. После всего того, что произошло, не казалось правильным, не быть в моем родном городе. Но я не знала, как теперь я могла вернуться, и я не знала, что делать, когда вернулась.

Видеть Уайетта каждый день и не являться частью его жизни, это причинит мне гораздо больше боли, чем жизнь где — то в другом месте. Я бы никогда не смогла двигаться дальше, забыть его, если бы мне каждый чертов день до конца моей жизни пришлось противостоять своим чувствам к нему. Вот почему я сбежала в город в первую очередь, и именно поэтому я отказалась от своих предварительных планов переехать обратно домой, когда закончила свою учебу.

— Как ты себя чувствуешь? — Сара отстранилась, ее глаза нашли мое лицо. — Ты выглядишь... немного бледной. С тобой все хорошо, дорогая?

— Честно говоря... — Запах магазина Сары заполнил мои ноздри. Он был сладким с оттенком резкой горечи, которая висела в воздухе в любое время, как кто — то приходил со свидания. Обычно я против этого не возражала. На самом деле, не смотря на то, насколько сильным он был, как правило, он был довольно приятным.

Но прямо сейчас, он послал через меня подавляющую волну тошноты.

— Я думаю, что заболеваю. — я быстро прижала руку к своему рту и бросилась в туалет в задней части магазина. После того, как меня вывернуло наизнанку в четвертый раз за этот день, я плеснула воды на свое лицо и сделала несколько глубоких вдохов через нос. Это было смешно, сказала я себе. Не было никакой причины бояться быть дома.

— Хочешь немного воды? — спросила Сара, поднимая чашку, когда я, наконец — то,

вышла из туалета.

Пошатываясь, я кивнула и взяла у нее чашку, позволяя прохладной воде успокоить мое горло. У меня стучало в голове, а моя кожа гудела, но вода помогла погасить мои рвотные позывы. Я прижалась рукой к стене и уселась на один из стульев. Мне нужно было взять себя в руки, особенно, прежде чем я отправлюсь домой. Если внезапно я появлюсь в таком виде перед своими родителями, то они будут волноваться гораздо больше, чем это необходимо.

— Так что... когда вы с Уайеттом несколько недель назад делали те неприличные вещи в полицейском участке, вы использовали презерватив?

Я взглянула на нее снизу вверх, и вся кровь (по крайней мере, то, что от нее осталось) схлынула с моего лица.

— Нет, мы... — я покачала головой, понимая, куда она клонит, но я еще совсем не была готова это признать. — Этого не может быть. Я занималась сексом только в тот раз, и просто тогда не...

— Когда у тебя в последний раз были месячные? — ее голос был тихим и спокойным, но по — прежнему серьезным, и указывал на то, какой она всегда была. Сара не стеснялась своих слов, и это было частью того, что я в ней всегда любила. И это быстрее прояснило ситуацию, чем если бы я осознала это сама.

— Более месяца назад. — я крепче стиснула свои колени. — Этого не может быть.

Она присела передо мной и вытерла слезу с моей щеки.

— Перед тем, как мы сломя голову сделаем какие — либо выводы, я думаю, нам нужно пойти достать тебе тест на беременность.

Глава 11

— Он положительный. — я вышла из ванной, размахивая в воздухе тестом на беременность. Мы с Сарой пошли в аптеку дальше по улице, и я сделала тест в уединении туалета, находящегося в ее парикмахерской. Мы прошмыгнули туда и обратно за считанные минуты, и никто не видел нас, входящими в аптеку. Но это был долбаный небольшой городок, а женщина, сидящая на кассе, знала, кто я. В Сноу Пик люди любили посплетничать, и я боялась подумать о том, сколько времени уйдет на то, чтобы эта новость распространилась.

Бекка Уилльямс, девушка, которая сбежала в большой город, приехала домой на каникулы, забеременев после секса со случайным парнем, теряя себя в быстро меняющейся жизни.

Но все было совсем не так, и я не могла сказать об этом ни единой душе. Конечно же, за исключением Сары. Не было никаких одноразовых связей, никаких случайных парней, которых я пускала в свою спальню. Я занималась сексом лишь *однажды*. С мужчиной моей мечты. С мужчиной, которого я очень сильно любила.

Каковы были шансы на то, что *одного* раза будет достаточно, чтобы я забеременела? Судя по всему, шансы были довольно хреновыми. Или *хорошими*, в зависимости от того, как ты на это смотришь.

Я не была полностью уверена в том, как к этому относиться. На мой взгляд, было бы ожидаемо, если бы я была шокирована и напугана этим открытием, но в тот момент, когда я увидела две розовые полоски, появляющиеся на тесте, меня охватило спокойствие (правильность происходящего).

Я была беременна. Ребенком Уайетта. Я мечтала об этом моменте и раньше, так же, как я мечтала о нем, забирающем мою девственность. Создание семьи вместе с ним, казалось, так далеко за пределами реальности, я не смела лелеять надежду на то, что это когда — нибудь действительно произойдет, но я бы врала самой себе, если бы сказала, что я об этом не думала в глубине души, где скрыты мои самые заветные желания.

Ребенок на моих руках и Уайетт рядом со мной.

Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Наверное, потому, что это не так. Просто тот факт, что я собиралась дать жизнь его ребенку, не означал, что он прибежит обратно ко мне. Он уже принял решение о наших взаимоотношениях. Я не видела, как и почему он мог бы изменить свое мнение прямо сейчас. И я не хотела, чтобы он это делал. Не смотря на то, как сильно я его хотела (даже нуждалась в нем), я желала, чтобы он был со мной, потому что он *сам хотел* того же, а не потому, что чувствовал что — то вроде обязанности или вины за то, что меня обрюхатил.

Я предполагаю, что достаточно скоро обо всем узнаю. Пришло время, пойти к нему и сообщить эту новость.

Мой поднятый кулак завис перед дверью его кабинета, а сердце бешено билось в груди. Я не могла заставить себя постучать, независимо от того, как сильно старалась это сделать. Что он скажет, когда увидит меня здесь? Что он сделает? Закроется ли он снова и скажет мне ледяным голосом, чтобы я убиралась, к чертям, отсюда? Я не знала, что со мной будет, если он так сделает, особенно сейчас, когда у меня была новость, которую собираюсь ему сообщить.

«Нет», подумала я про себя. *Я не могу прямо сейчас это сделать.* Мне нужно было сначала все осознать и разобраться с этим самостоятельно. Я лишь несколько минут назад узнала о том, что беременна. Мне нужно было понять, что это значит для моей жизни. Я прибежала сюда, не думая, не обдумав ничего. Это было ошибкой. Я еще не была готова к тому, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

Но дверь открылась, прежде чем я успела развернуться и умчаться отсюда со всех ног. С трудом сглотнув, я сделала шаг назад и встретилась с широко открытыми глазами Уайетта. За последние несколько недель щетина на его лице стала длиннее, а мешки под его глазами стали еще темнее. Хотя, он все еще был красивым мужчиной, которого я знала и любила, он выглядел гораздо более измученным. Даже печальным. В депрессии.

— Бекка? — он быстро обвел глазами пространства позади меня, явно нервничая из — за того, что кто — то мог заметить меня у двери его кабинета. — Что ты здесь делаешь?

— Мне нужно с тобой кое о чем поговорить. — сказала я, сделав глубокий вдох, чтобы успокоить свои нервы. Прилив волнения, страха и любви, которую я испытывала к этому человеку, был практически подавляющим. Я сделала все возможное, чтобы оттолкнуть свои чувства, в то время как заканчивала семестр в колледже, но теперь, когда он стоял передо мной, они снова вернулись, крича о себе в полную силу.

— Бекка. — Он вздохнул и покачал головой, отводя глаза в сторону. — Мы не можем этого сделать. Я так сожалею, что дал тебе неправильное представление обо всем, когда ты здесь была в прошлый раз, но все кончено. Это конец.

Слезы кололи мой глаза, но я сморгнула их. Несмотря на то, что его слова заставили меня хотеть развернуться и сбежать из полицейского участка, я заставила себя оставаться на месте. Мне нужно было ему обо всем рассказать, а ему нужно было это услышать.

— Я не из — за этого сюда пришла. Пожалуйста, выслушай меня.

— Мне очень жаль, дорогая, но я не могу. — Он сделал шаг назад в свой кабинет и начал закрывать дверь, но я поставила ногу в дверной проем, чтобы его остановить. Боль промелькнула на его лице. Я могла сказать, что это убивало его также, как и меня.

— Пожалуйста, Бекка. Послушай меня. Твой отец не будет счастлив, если узнает, что ты была здесь.

— Я беременна, окей? — выпалила я слова. На долгую минуту они повисли в воздухе между нами, мой голос эхом раздавался в моих ушах. На лице Уайетта отобразилось множество эмоций. Шок, смутнение, боль, а затем чистейшая радость. Его губы поднялись в улыбке, а мучение в его глазах было заменено ярким светом.

— Ты беременна. — его голос прозвучал приглушенно. — Ты уверена?

— Я всего лишь сделала тест несколько минут назад, а потом я пришла прямо сюда, чтобы тебе рассказать. — я зашла в его кабинет, и на этот раз, он не пытался меня остановить. Закрыла за собой дверь и прислонилась к ней, пытаюсь сохранить между нами как можно большую дистанцию. Учítывая то, как он на меня смотрел, я не была уверена в том, что смогу себя контролировать, если мое тело будет находиться ближе к нему. Все, чего я хотела: чтобы он прикоснулся ко мне, чтобы доставлял мне удовольствие, чтобы еще раз был внутри меня. Я носила его ребенка, и я была на сто процентов его. И я хотела показать ему это единственный способом, который знала.

— Я хотела прийти сюда, чтобы сказать тебе, что хочу сохранить ребенка. — сказал я после того, как глубоко вздохнула. Я знала это уже в тот момент, когда сделала тест, но это ощущалось слишком хорошо, чтобы произносить вслух. — Я больше не принимала никаких решений, но это единственное, что я знаю наверняка. Тебе не обязательно в этом участвовать, если ты не хочешь, но я подумала, что так или иначе ты должен об этом знать. Я имею в виду, что надеюсь, что ты будете участвовать в жизни ребенка. Но я пойму, если ты не захочешь.

Его улыбка стала еще больше.

— О, Бекка. Милая. Ты только что сделала меня самым счастливым человеком в мире. Конечно же, я буду участвовать в жизни нашего ребенка. Я бы и не сделал по — другому. И я сделаю все, что нужно, чтобы заботиться о тебе, если это то, чего ты хочешь.

Глава 12

В ту же ночь, после того, как уснули мои родители, я вылезла через недавно замененное окно в моей спальне, спустилась вниз по дереву, и побежала по подъездной дорожке туда, где меня ждал Уайетт, его машина работала на холостом ходу, стоя у обочины дороги. Было волнующе встретиться с ним таким образом, под темным покровом тихой и спокойной ночи.

Мы решили не говорить моим родителям о моей беременности, пока у меня не появится шанс пойти к врачу для официального осмотра. А еще мне очень хотелось купить нам немного больше времени. После того, как мой папа отреагировал на то, что нашел своего лучшего друга и свою дочь сразу после совокупления, я была уверена в том, что он не будет в восторге от новости, в которой говорится, что его друг поместил ребенка внутрь вышеупомянутой дочери.

По — видимому, с того инцидента он был вежлив с Уайеттом, но все изменилось. Больше не было никаких ночных посиделок по субботам за виски, никакого курения сигар, и

никаких больше разговоров по душам.

Но это не означало, что Уайетт хотел приостановить все остальное. На самом деле, он, казалось, хотел проводить со мной время, хотя я не была полностью уверена в том, что происходило у него в голове. Хотел ли он все еще меня? Или это было только из — за ребенка? Полагаю, что достаточно скоро обо всем узнаю.

Он включил печку, когда я проскользнула на пассажирское сиденье, и выстрелил в меня своей сексуальной, однобокой ухмылкой, от которой меня обдало жаром с головы до ног. А его машина была наполнена его сосново — мятным запахом. Мне потребовался все мое самообладание, чтобы не соскользнуть с сиденья и забраться на него сверху, объезжая его во время всего пути к месту нашего назначения.

К месту, которое он держал в секрете.

— Куда мы едем? — спросила я, когда он повернул машину в сторону выезда из города, направляясь подальше от цивилизации. Я думала, что мы могли бы провести вечер, разговаривая в его доме, где мы могли бы обсудить предстоящие месяцы до родов, то, как бы мы преподнесли эту новость моему отцу, и где я буду жить после того, как родится ребенок.

Но Уайетт просто улыбнулся.

Двадцать минут спустя, я увидела, что он имел в виду, когда он остановил машину на стоянке рядом с государственным парком. Вокруг нас возвышались деревья, их ветви низко свисали из — за веса снега, а ясное небо над головой было усеяно мириадами мерцающих звезд. Уайетт заглушил мотор и повернулся ко мне с такой теплой улыбкой, что я думала, что растаю.

— Вот мы и приехали.

Я покусывала свою нижнюю губу.

— Несмотря на то, что этот парк прекрасен, я не очень понимаю, что мы здесь делаем. Снаружи холодно, и сейчас середина ночи.

— Конечно же, сейчас середина ночи. — Он мотнул подбородком в сторону задней части автомобиля. — Посмотри, что на заднем сиденье.

Повернув голову, я взглянула через свое плечо и увидела то, о чем он говорил. Я тяжело сглотнула, не смея надеяться, но все — таки надеялась. Там лежал телескоп, тот, который он принес в ночь моего восемнадцатилетия, когда я показала то, что к нему чувствовала. В ту ночь, когда я подумала, что он хотел меня так же, как и я хотела его. И сейчас я не знала, что означал тот факт, что он взял с собой телескоп. Определенно, он помнил, что случилось той ночью. Конечно же, он знал, о чем это заставило меня думать.

— Телескоп? — шепотом спросила я. — Значит, ты не хотел со мной встретиться, чтобы поговорить о ребенке?

— У нас для всего этого есть время. — он протянул руку и сжал мое колено, и множество электрических импульсов прошло через мое тело. Он продолжал говорить, оставив свою руку на моей ноге, и все, на чем я могла сосредоточиться, было то место, где его пальцы касались моей кожи, даже если это было только через ткань моих джинсов. — Я вспомнил, что никогда не показывал тебе звезды, и подумал, что для нас было бы хорошо провести время вместе.

— Провести время вместе. — повторила я, как попугай. Мое сердце начало сильно биться, мой мозг отчаянно пытался понять, что он сказал. Пытался ли он просто быть милым, как он делал на тот мой день рождения? Или в этом было что — то большее? Я не могла сказать. Он не сказал ни слова о том, что произошло между нами несколько недель

назад, и было трудно прочесть в его глазах больше, чем простую заботу обо мне. Но это не отличалось от его обычного поведения. Он всегда обо всех заботился. И до того, как он сорвал мою одежду и сделал меня своей, с его стороны было лишь проявление заботы, и на этом все. Мы снова к этому вернулись?

— Ты кажешься расстроенной. — тихо сказал он, как и всегда прочитав мое лицо и мои эмоции.

— Я не могу понять, что происходит у тебя в голове. — сказала я, у меня изо рта шел пар из — за холодного воздуха, просочившегося в машину. — У меня такое ощущение, что в комнате находится слон, и никто из нас его не замечает.

Он снова сжал мое колено и опустил на меня свой пристальный взгляд.

— Ты имеешь в виду то, что между нами произошло. Мне очень жаль, Бекка. Но, на самом деле, я — не тот человек, который любит говорить о своих чувствах.

— О чувствах? — мой мозг схватился за это слово. — Так, значит, есть... чувства?

Он издал легкий смешок, звук, который грохотал в его груди.

— Конечно же, есть чувства, Бекка. Чувства, которые я еще никогда ни к кому не испытывал. Я привез тебя сюда, потому что хочу провести с тобой время. Как женщина и мужчина, которые, с этого момента, собираются проводить вместе гораздо больше времени.

Это до сих пор мне ничего не объяснило, отнюдь не достаточно. «Проводить время вместе» сейчас, когда мы собирались иметь общего ребенка, это может означать что угодно. Возможно, он имел в виду замену подгузников и время, проведенное с ребенком? Или же он имел в виду что — то другое? Все, что я хотела: чтобы он объяснил свои чувства, если он вообще что — то чувствовал.

— Как «вместе»? — давила я, поворачивая свое тело, чтобы находиться к нему лицом.

Его глаза потемнели, в них появилось пламя, и он положил мне на щеку свою другую руку.

— Вместе во всех отношениях.

Мое сердце сильно билось в груди.

— Я люблю тебя, Бекка. Я люблю тебя уже довольно давно.

Глава 13

Уайетт сжал мое лицо обеими руками и прижал свои губы к моим. Все мое тело вздохнуло в ответ, меня пронзила опьяняющая смесь удовлетворения и желания. Он любит меня. Уайетт МакДауэлл, самый сексуальный, самый замечательный мужчина во всем мире, только что мне сказал, что любит меня. И теперь его руки бродили по всему моему телу, мгновенно заставляя меня стать влажной.

Он схватил рукой мои волосы и опустил свои губы на мою шею, проводя языком по коже. Я задрожала под его прикосновениями и между своими бедрами почувствовала нужду, начинающую болеть. Все это время я и не смела надеяться на то, что он когда — нибудь снова меня трахнет, но вот они мы, и я едва могла оставаться на своем сидении.

На самом деле, к черту все это.

Я метнулась к нему, перелезая через консоль, чтобы оседлать его коленей. Меня обдало жаром его глаз, и он очаровательно улыбнулся в ответ на мои действия. Руль впился в мою спину, но мне было все равно. Я беспокоилась лишь о том, что еще зарывалось в меня... и это был его твердый член, прижимающийся к тому месту, где моя киска терлась о него,

сильно и быстро.

— Мне нравится эта сторона тебя, Бекка. — он стащил мою рубашку через голову и расстегнул застежку лифчика одним плавным движением. Мои груди подскочили, когда они выпадали из кружевного материала, прямо перед его лицом оказались мои твердые, торчащие соски. Его язык выскочил, двигаясь кругами по моей коже, в то время как он сильно сжал мои пышные холмики своими мужественными руками.

— О! — взвизгнула я, отчасти от удовольствия, отчасти от боли. Но я прижималась грудью к его лицу, моля о большем.

Он снова их сжал, прежде чем обхватить одну из них своим ртом. Я откинула голову и застонала, когда начала покачиваться на нем, потираясь о его промежность своей доведенной до отчаяния киской. Он был так груб и так нежен, в одно и то же время, и это сводило меня с ума от нужды, которую я никогда не ощущала. Я хотела, чтобы это было грубо, и хотела этого прямо сейчас.

Уайетт расстегнул мои джинсы, и ему как — то удалось стянуть их до середины, пока я продолжала об него тереться. На мне были кружевные стринги соответствующие моему лифчику, просто на всякий случай, и они были настолько пропитанными, что я начала выводить полосы на его штанах. Он просунул руку между моих бедер, чтобы чувствовать мою влагу, и зарычал, шлепнув мой голый зад.

— Ты так чертовски готова для меня, не так ли, детка? — его губы метались по моему уху, прежде чем он укусил меня за мочку. — Как бы ты хотела, чтобы я тебя трахнул?

— Я хочу, чтобы ты меня жестко оттрахал. — выдохнула я, моя кровь пульсировала от желания.

И больше ничего не имело значения.

Он расстегнул свои штаны и протаранил своим жезлом мои ноющие складки. Его член был таким твердым и таким большим, что он растянул меня гораздо больше, чем я себе представляла. Это было больно, но я обнаружила, что эта боль сводила меня с ума. И это было так хорошо, больше в мире ничего другого не существовало.

Его руки схватили меня за бедра, и он начал раскачивать на себе мое тело. Сначала медленно, но потребовалось лишь несколько минут, чтобы наш темп ускорился, из — за моего отчаяния, из — за того, что он взял контроль над моим телом. Я крепко держалась за его плечи, когда насаживалась на него своей киской, сильнее и быстрее, так быстро, что под нами тряслась машина.

Когда начало подниматься мое удовольствие, Уайетт провел рукой по моей голой заднице, останавливаясь лишь у края моего заднего отверстия. А потом он быстро надавил на него своим пальцем. Мой темп замедлился, и я втянула воздух. Что он делал?

— Ты мне доверяешь? — пробормотал он, пока продолжал сосать мою грудь.

Еще больше соков брызнуло из меня, когда он поднял меня в воздух и вытащил свой член. У меня колотилось сердце, и дрожало дыхание. У меня было предположение о том, что он собирался сделать, и одна лишь мысль об этом возбуждала меня, хотя, я понятия не имела о том, чего ожидать.

— Я тебе доверяю. — прошептала я.

Он провел своей рукой по клитору, покрытому моими соками. А потом снова вонзил в меня свой член, и в то же время проскользнул своим пальцем в мое второе отверстие. *О боже мой*, я никогда не думала, что что — то может так хорошо ощущаться. Его палец полностью скользнул внутрь, и он начал трахать меня в оба отверстия. Задыхаясь, я

позволила ему полностью меня заполнить, когда мое тело сильно затряслось, когда я кончила. Мой оргазм был более интенсивным, чем прежде.

Уайетт сразу же последовал за мной, впрыскивая в меня свою шелковистую сперму, когда он что — то бормотал от удовольствия.

А потом, как только я восстановила свое дыхание, он сразу же все начал сначала.

Глава 14

На следующее утро, я осторожно спускалась вниз по лестнице. Уайетт жестко меня трахал, снова и снова, пока я не стала лишь дрожащей кучкой в его руках. Он поцеловал меня в лоб, сказал, что меня любит, и пообещал, что в другой день снова привезет меня в парк посмотреть на звезды. Ни один из нас не был в состоянии сделать что —нибудь больше, чем просто спать после нашей трахательной деятельности, продлившейся несколько часов.

Когда мои ноги ударились о нижнюю ступеньку, то я услышала знакомый громкий голос, доносящийся из кабинета моего отца, расположенного дальше по коридору. Уайетт. Все мое тело бросило в жар из — за паники. Слышал ли мой папа, как я пришла домой прошлой ночью? Узнал ли он о том, что происходит между мной и его лучшим другом, прежде чем у меня появилась возможность ему об этом сказать?

Это явно не очень хорошо закончится...

Мои ноги по своей собственной воле несли меня дальше по коридору. Часть меня хотела сбежать прямо через входную дверь и избежать того, что происходило, но другая часть меня устала беспокоиться. Может быть, пришло время противостоять всему этому. Не смотря на то, что мой отец мог бы меня возненавидеть, но это была *моя* жизнь. И я сделаю то, что считаю правильным.

И просто так случилось, что это значит провести свою жизнь с его лучшим другом.

— Бекка. — Мой папа посмотрел и одарил меня мягкой улыбкой. Он сидел в одном из своих кожаных кресел, а Уайетт в другом. Они не выглядели так, словно спорили. Они оба были спокойными. Даже расслабленными. — Доброе утро.

— Доброе утро, — медленно сказала я, проскальзывая в комнату. Это было странно. Они едва разговаривали в течение нескольких недель, а теперь, когда мы с Уайеттом были вместе, они спокойно беседовали. Здесь пахивало чем — то подозрительным, и это была не тарелка с маффинами, которую, должно быть, занесла моя мама, когда сегодня утром приехал Уайетт.

— Ну, Уайетт. — мой отец встал со своего стула и похлопал своего лучшего друга по плечу. — Спасибо, что зашел. Хорошо, что мы все прояснили. Удачи.

Мой папа исчез в коридоре, оставив меня в полном недоумении стоять посреди комнаты. Что это только что было? И почему, черт возьми, мой отец вышел из кабинета, как только я вошла?

— Что это было? — Спросила я, скрестив руки на груди.

Уайетт посмотрел на меня, его глаза мерцали.

— Я подумал, что пришло время поболтать мне и твоему отцу. Мне нужно было у него спросить кое о чем очень важном.

— О чем ты говоришь? — спросила я, мое сердце пропустило удар. Неужели он уже сказал моему отцу о ребенке? Если так, то почему папа не разозлился? Ничего из этого не имело смысла.

Уайетт опустился на одно колено, доставая из кармана маленькую черную коробочку. Моя рука взлетела к моему сердцу, и я втянула воздух так громко, что его губы изогнулись. Этого не происходило... этого не могло происходить... не было никакой возможности, чтобы это происходило на самом деле. Слезы появились в моих глазах, когда он открыл коробочку, держа перед собой кольцо с бриллиантом, который искрился в лучах утреннего солнца, проникающего через окна.

— Бекка Уильямс, я кое — что к тебе почувствовал в тот день, когда тебе исполнилось восемнадцать лет. Я не думал, что это было правильно, поэтому тебя оттолкнул. Никогда в своей жизни я не был так в чем — то неправ. Ты заставляешь меня чувствовать себя лучшим мужчиной, чем я когда — либо себя ощущал, и я хочу провести свою жизнь, пытаюсь сделать тебя счастливой. Я хотел сделать это правильно, так что поговорил с твоим отцом. И он дал нам свое благословение. Он видит, что я тебя люблю, Бекка. Больше всего на свете. Ты выйдешь за меня замуж?

— Да! — закричала я, прежде чем броситься в его руки. — Миллион раз «да».

Глава 15

Пять лет спустя

Уайетт пришел с работы и поднял меня в своих руках. Это был ритуал, которому мы следовали с тех пор, как поженились. Он пришел после долгого дня, в течение которого патрулировал тихие, скучные улицы Сноу Пик, он поцеловал меня так, словно не видел меня несколько месяцев, а я обернула свои ноги вокруг его талии. Не смотря на то, что мы видели друг друга каждый день, наша любовь была сильнее, чем когда — либо. А наши выходы в спальне становились только горячее с каждым прожитым годом.

Джейкоб, наш старший сын, пробежал по дому, его ноги постукивали по деревянному полу. Уайетт отпустил меня и схватил сына в свои объятия, смеясь и ероша его непокорные темные волосы. Джейкоб выглядел так же, как и его отец, и это заставляло мое сердце разрываться от радости.

После того как я закончила учебу, мы поженились в маленькой церкви здесь, в Сноу Пик, за несколько месяцев до того, как я вышла на работу. С тех пор мы были очень счастливы, и после Джейкоба у нас родилось еще двое детей. Оказалось, что мы с Уайеттом были чем — то вроде фабрики по производству детей. Мы не могли держать наши руки подальше друг от друга, но, в любом случае, мы бы и не стали этого делать. На самом деле, часть меня хотела, чтобы в нашей семье родилось еще несколько ребятишек.

Я никогда не представляла себя мамой, все свое время посвящая детям, но оказалось, что я нашла свое истинное призвание в жизни, хотя время от времени я помогала в здании суда, чтобы просто утихомирить своих родителей. Они удивили нас с Уайеттом, полностью поддержав наше решение пожениться и растить детей. Папа и Уайетт уладили свои разногласия и были также близки, как и всегда, а может быть, даже больше. Независимо от того, что Уайетт сказал моему отцу в тот день, когда попросил моей руки, он убедил его в том, что действительно меня любит. А это было все, что имело значение для моих родителей. Они хотели, чтобы я была счастлива, а Уайетт сделал меня счастливее, чем я когда — либо была в своей жизни.

— Как работа? — спросила я, улыбаясь ему после того, как Джейкоб побежал обратно в

свою комнату, чтобы играть с игрушечной железной дорогой, которую получил от своих бабушек и дедушек на Рождество.

Уайетт улыбнулся.

— Спокойно, как всегда, миссис МакДауэлл.

Хорошо. Спокойствие было именно тем, что мне понравилось.

Уайетт потянулся за моим пальто, висевшем на крючке у стены, и бросил его мне.

— Выходи наружу. Я должен тебе кое — что показать.

Я последовала за ним на крыльцо на заднем дворе и наблюдала за тем, как он тащил за собой телескоп. После того, как мы начали жить вместе, он переделал его, сделав больше и лучше, и мы провели здесь много ночей, любуясь небом над головой. Это напоминало нам обоим, что подтолкнуло нас к тому, чтобы быть вместе. Это напоминало нам о том, что действительно имело значение в этом мире. Мы оба, наша семья, наши прекрасные дети. Та связь, которая у нас всегда была.

— Ты можешь подумать, что это немного глупо, но знаешь ли ты о том, что уже прошло ровно пять лет с тех пор... как мы впервые выразили друг к другу свои чувства? — он пошевелил бровями.

Мои губы изогнулись. Я точно знала, что он имел в виду, я никогда до конца своей жизни не забуду ту ночь.

— Конечно, я знаю. — тот день, когда он лишил меня девственности, навсегда был выжжен в моей памяти.

— Я думал сделать что — то особенное, чтобы это отпраздновать. — Уайетт полез в задний карман и вытащил листок бумаги.

Приподняв брови, я взяла у него литок и прочитала, написанные на нем слова. Мое сердце учащенно забилося. Это была одна из самых дурацких, слащавых, и самых романтических вещей, которые он когда — либо для меня делал, а за эти годы он сделал чертовски много. Не из — за того, что именно это было, но из — за того, что это значило. Он купил мне звезду.

— О, Уайетт. — я улыбнулась и посмотрела на него снизу вверх. — Спасибо. Это очень мило.

— Ты хочешь на нее посмотреть? — он подошел к телескопу и повозился с управлением, поворачивая основание, пока телескоп не был направлен в небо над нашими головами. — Хорошо, я ее нашел.

Он жестом показал мне подойти поближе, и я прижалась глазом к стеклу. Мне подмигнула яркая звезда, расположенная в центре. Она не отличалась от остальных звезд в небе, но она была выбрана для меня, обозначая настолько сильную любовь, что горела горячее и ярче, чем любая другая из тех, что я видела.

— Уайетт, она прекрасна. — я оторвалась от телескопа, поднялась на цыпочки и легонько поцеловала его в губы. Даже после всего этого времени, вкус его губ на моих до сих пор приводил в восторг каждую мою частичку. — Я бы хотела знать, как показать тебе то, как много это для меня значит.

— Ох, у меня есть несколько идей. — его губы изогнулись, и он обвил мою талию своими сильными руками. Я таяла около него, не ощущая ни единого порыва холодного воздуха, независимо от того, насколько суровой была зима. Он был моим, а я была его, и мы проведем так оставшуюся часть наших жизней.

Он поднял меня и понес внутрь, поднялся вверх по лестнице и вошел в спальню. Как

только дверь в спальню была закрыта, он опустил меня на кровать и разделся догола, его обнаженное состоящее из мускулов тело находилось передо мной. Совершенный образец мужчины. Принадлежащий мне на сто процентов.

— Раздевайся. — прорычал он, пересекая комнату, его огромный член подергивался в ожидании. — Думаю, что нам пора сделать еще одного ребенка.

Всего через несколько секунд моя одежда валялась в куче на полу.

Еще один ребенок. Словно он прочитал мои мысли.

Мы собирались сделать еще одного ребенка.

Я не могла дождаться, чтобы увидеть, что ожидало нас в будущем.

****КОНЕЦ****

Больше книг на сайте - Knigolub.net